

Заключение комиссии специалистов № СЭ-124/20

Составлено по результатам дополнительного
комплексного экспертного исследования, проведенного
по материалам дела об административном правонарушении № 5-261/20

г. Санкт-Петербург

«28» июля 2020 г.

Начато 22 июля 2020 г. в 14 часов 15 минут.

Окончено 28 июля 2020 г. в 17 часов 45 минут.

Основание производства комплексного дополнительного экспертного исследования: обращение (адвокатский запрос № 14259/2020-8/2 от 06.07.2020) адвоката М. О. Эйсмонт, являющейся защитником В. В. Егорова как лица, в отношении которого мировым судьей судебного участка № 79 Коломенского судебного района Московской области О. И. Шолгиной ведется производство по делу № 5-261-79/2020 об административном правонарушении.

Сведения о специалистах, выполнивших дополнительное комплексное экспертное исследование:

- 1. председатель комиссии специалистов, специалист-лингвист** Жарков Игорь Вениаминович — начальник научно-методического отдела РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» (ГЛЭДИС), образование высшее филологическое (лингвист — специалист по структурной и прикладной лингвистике, со знанием английского языка, диплом с отличием РВ № 579491), кандидат филологических наук (специальность: «10.02.21 — Структурная, прикладная и математическая лингвистика», диплом кандидата филологических наук КТ №017433 от 27.10.1995 г.), стаж научной деятельности и работы по специальности — 30 лет; действительный член ГЛЭДИС, член правления ГЛЭДИС, свидетельство эксперта № 021-20/36-сэ от 10.01.2020 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 10 января 2020 г., протокол № 11; является одним из авторов методических рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы: Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. *Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов.* — М.: ИПК «Информкнига», 2010 (*издание подготовлено по заказу Роскомнадзора*); имеет благодарность Председателя Суда по интеллектуальным правам;
- 2. специалист-психолог** Константинова Вероника Валерьевна, имеет высшее юридическое образование (специальность «правоведение», диплом ТВ № 420553, выданный в 1990 г. Ленинградским ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственным университетом им. А. А. Жданова) и высшее психологическое образование (психология, преподаватель психологии, диплом СА № 04807, выданный в 2011 г. Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего профессионального образования "Санкт-Петербургский государственный университет").

Для производства настоящего исследования в распоряжение комиссии специалистов предоставлены (в электронных копиях) **материалы дела № 5-261-79/2020**, в том числе:

- **определение** о назначении к рассмотрению дела об административном правонарушении, вынесенное 16.04.2020 мировым судьей судебного

1	Специалист	И. В. Жарков
	Специалист	В. В. Константинова

участка № 79 Коломенского судебного района Московской области О. И. Шолгиной, на 1 л.;

- **протокол АД № 1121326** об административном правонарушении, составленный 15.04.2020 ст. УУП Колычевского ОП УМВД России по Коломенскому городскому округу майором полиции Д. А. Летниковым в отношении В. В. Егорова, на 2 л.;
- **акт осмотра Интернет-ресурсов**, составленный 09.04.2020 в период времени с 12 часов 30 минут до 13 часов 20 минут старшим оперуполномоченным отдела уголовного розыска УМВД России по Коломенскому городскому округу майором полиции А. С. Кошкиным, на 4 л., с приложением распечатки содержимого подвергнутых осмотру Интернет-страниц на 7 л.
- **акт осмотра Интернет-ресурсов**, составленный 09.04.2020 в период времени с 14 часов 00 минут до 14 часов 40 минут старшим оперуполномоченным отдела уголовного розыска УМВД России по Коломенскому городскому округу майором полиции А. С. Кошкиным, на 4 л., с приложением распечатки содержимого подвергнутых осмотру Интернет-страниц на 7 л.;
- **ответ № 903 от 13.04.2020** и. о. начальника Коломенского территориального отдела Управления Роспотребнадзора по Московской области Л. Ю. Харлаповой **на запрос № 105/33/2200 от 13.04.2020**, адресованный начальнику 4 окружного отдела УФСБ России по г. Москве и Московской области А. А. Филатову, на 3 л.;
- **заключение экспертов ООО «Лагуна-100» Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой б/н от 28.06.2019¹**, на 19 л.;
- **объяснение В. В. Егорова** от 23.03.2020, на 2 л.;
- **объяснение В. В. Егорова** от 15.04.2020, на 2 л.

Настоящее заключение составлено по результатам комплексного психолого-лингвистического экспертного исследования, являющегося дополнительным² по отношению к исследованиям, проведенным экспертом-лингвистом Л. Н. Костяковой и экспертом-психологом Р. В. Ершовой в рамках судебной психолого-лингвистической экспертизы, результаты которой представлены в заключении экспертов ООО «Лагуна-100» Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой б/н от 28.06.2019.

Поскольку основанием для производства настоящего исследования является адвокатский запрос, процессуальный статус настоящего заключения может быть определен как **заключение комиссии специалистов**. Как и заключение эксперта, заключение специалиста отражает результаты исследований, относящихся к особому виду деятельности, регламентируемому процессуальным законодательством и специальными законодательными актами, — **судебно-экспертной деятельности**. Заключение специалиста содержательно относится к тому же жанру, что и заключение эксперта, и совпадает с ним по большинству параметров, **рассматривается в теории судебной экспертизы как часть судебно-экспертной деятельности**. Глубокий анализ системных свойств так называемой внесудебной, или досудебной экспертизы как части судебно-экспертной деятельности можно найти в монографии д. ю. н. С. А. Смирновой, в настоящее время — руководителя Российского федерального центра судебной экспертизы

¹ В качестве даты составления заключения наряду с «28.06.2019» указано также «28.07.2019»; с учетом содержащихся в заключении экспертов сведений об окончании экспертизы 28.06.2020 обе относящихся к 2019 году даты, указанные как дата составления заключения, вероятно, являются ошибочными, представляют собой результат опечаток.

² Из содержания запроса адвоката М. О. Эйсмонт, являющегося основанием для производства настоящего исследования, вытекает, что сторона защиты полагает выводы экспертов Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой в представленном заключении экспертов недостаточно ясными и неполными, что предполагает необходимость дополнительного экспертного исследования (ср. абзац 1 ст. 20 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

Министерства юстиции РФ, «Судебная экспертиза на рубеже XXI века» (с. 32–36). Как убедительно показано в этой работе, внесудебная экспертиза органично включена в деятельность судебно-экспертных учреждений, а также в правоохранительную деятельность государства, заключения специалистов составляют значительную долю в общем объеме продукции экспертных учреждений и имеют ту же цель, что и государственная судебно-экспертная деятельность, — установление доказательственных фактов с помощью специальных знаний; при последующем возбуждении судебных производств проведенные экспертные исследования, по результатам которых составляются заключения специалистов, на практике не отвергаются правоохранительными органами и судами, а признаются источниками судебных доказательств; внесудебные экспертизы, выполняющиеся в государственных судебно-экспертных учреждениях, как правило, проводятся и оформляются по правилам, установленным для государственной судебно-экспертной деятельности, в русле принципов и традиций этой деятельности, при этом в качестве основы проведения таких исследований принимаются методики судебно-экспертного исследования.

Дополнительный характер экспертного исследования, ход и результаты которого описаны в настоящем заключении специалистов, предполагает, что суждения и выводы экспертов ООО «Лагуна-100» Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой по поставленным перед ними вопросам как таковые не относятся к предмету настоящего исследования, их достоверность не оценивалась специалистами в полном объеме.

Перед специалистами, проводящими настоящее дополнительное экспертное исследование, поставлены следующие **вопросы**, являющиеся **дополнительными по отношению к вопросам, разрешенным экспертами Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой** в ходе экспертизы, результаты которой представлены в заключении экспертов ООО «Лагуна-100» Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой б/н от 28.06.2019.

1. Исходя из норм и правил современного русского языка как государственного языка Российской Федерации, какой буквальный смысл выражает словосочетание «недостовверная информация»?

2. Исходя из норм и правил современного русского языка как государственного языка Российской Федерации, какой буквальный смысл выражает использованное законодателем в диспозиции ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ словосочетание «распространение заведомо недостоверной информации под видом достоверных сообщений»?

3. Исходя из норм и правил современного русского языка как государственного языка Российской Федерации, содержит ли исследованный экспертами Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой текст какие-либо сведения, которые в случае их признания недостоверными могут рассматриваться как заведомо недостоверная информация, распространяемая под видом достоверных сообщений; если содержит, то какие именно это сведения?

4. Согласно выводу эксперта Л. Н. Костяковой по поставленному перед экспертами вопросу «Высказывает ли автор текста личное субъективное мнение и личное убеждение автора?», в исследуемом экспертами тексте автор в некоторых случаях опирается на конкретные данные, которые приводятся в средствах массовой информации, в других же случаях при приведении данных конкретных указаний на источники информации нет, поэтому невозможно указать, личное ли это мнение автора или оно заимствовано из определенного, но не указанного им источника. **Вопрос:** «Влияет ли тот факт, что сообщаемые в тексте сведения заимствованы из каких-либо источников, на квалификацию этих сведений как выраженных в форме мнения?»

5. Согласно выводу эксперта Р. В. Ершовой по поставленному перед экспертами вопросу «В какой форме в исследуемом тексте подана информация о заболевании коронавирусом в г. Коломне — утверждение или предположение?», представленная в тексте информация подается как предположение; вместе с тем автором текста используются многочисленные приемы убеждения, призванные убедить читателя в достоверности, истинности предложенной версии. **Вопрос:** «Влияет ли использование в тексте приемов убеждения, призванных убедить читателя в достоверности, истинности предложенной автором версии, на квалификацию этих сведений как выраженных в форме предположения?»

3

Специалист

И. В. Жарков

Специалист

В. В. Константинова

6. Согласно выводу эксперта Л. Н. Костяковой по поставленному перед экспертами вопросу «В какой форме в исследуемом тексте подана информация о заболевании коронавирусом в г. Коломне — утверждение или предположение?», информация о заболеваемости коронавирусом в Коломне представлена в форме утверждения. **Вопрос:** «Всегда ли языковая форма утверждения свидетельствует о том, что представленная в тексте в такой форме информация не является выражением субъективного мнения; если нет, то в каких случаях высказывания-утверждения являются выражением субъективного мнения?»

7. Согласно выводу эксперта Р. В. Ершовой по поставленному перед экспертами вопросу «Содержатся ли в тексте какие-либо призывы? Если да, то кому адресованы эти призывы и к чему они призывают?», в тексте отсутствуют какие-либо прямые призывы; вместе с тем часть анкетированных экспертом респондентов расценила текст как призывы различного содержания. **Вопрос:** «Как соотносятся факт подобного восприятия текста аудиторией и факт отсутствия в тексте выраженных в объективно установленной форме призывов?»

8. Согласно выводу эксперта Р. В. Ершовой по поставленному перед экспертами вопросу «Используются ли в публикации манипулятивные приемы, направленные на создание достоверности указанной информации?», в публикации используется ряд приемов убеждающей коммуникации. **Вопрос:** «Оказывает ли обнаруженный экспертом Р. В. Ершовой факт использования приемов убеждающей коммуникации влияние на квалификацию выраженной в тексте информации как достоверной либо недостоверной?»

9. Отвечая на поставленный перед экспертами вопрос «Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на формирование чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха?», эксперт Л. Н. Костякова приводит ряд цитат из исследуемого текста, сопровождая их описательной характеристикой, и приходит к выводу о том, что «приведенные выше факты не могут не вызвать чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха у читателя». **Вопрос:** «Какие именно факты приводятся или описываются в цитируемых экспертом Л. Н. Костяковой высказываниях, на которых основан данный вывод? Какая именно информация фактического типа в них содержится?»

10. Согласно выводу эксперта Л. Н. Костяковой по поставленному перед экспертами вопросу «Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на изменение поведения читателей, а именно на нарушение общественного порядка и несоблюдение мер безопасности в общественно-значимой ситуации?», одно из содержащихся в исследуемом экспертами тексте высказываний может быть расценено как имплицитный призыв к несоблюдению мер безопасности в общественно-значимой ситуации. **Вопрос:** «Является ли данный вывод эксперта-лингвиста выводом об объективных свойствах текста, включая его объективное содержание и форму выражения этого содержания?»

11. Согласно выводам эксперта Р. В. Ершовой по поставленным перед экспертами вопросам «Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на формирование чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха?» и «Используются ли в тексте приемы, направленные на нагнетание эмоционального напряжения читателя?», приемом убеждения, использованным в тексте и направленным на формирование чувства страха, беспокойства, тревоги, беспомощности, эмоционального напряжения является употребление в тексте конкретных и образных ключевых слов, что существенно влияет на эмоциональную сторону восприятия текста и повышает его внушающее воздействие». **Вопрос:** «На каких фактах и на каких данных, полученных методами научного исследования, основан вывод эксперта о наличии в тексте приемов, направленных на формирование чувства страха, беспокойства, тревоги, беспомощности, эмоционального напряжения?»

12. Согласно выводам эксперта Р. В. Ершовой по поставленным перед экспертами вопросам «Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на формирование чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха?» и «Используются ли в тексте приемы, направленные на нагнетание эмоционального напряжения

читателя?», приемом убеждения, использованным в тексте и направленным на формирование чувства страха, беспокойства, тревоги, беспомощности, эмоционального напряжения является употребление в тексте конкретных и образных ключевых слов, что существенно влияет на эмоциональную сторону восприятия текста и повышает его внушающее воздействие». **Вопрос:** «На каких фактах и на каких данных основан вывод эксперта об использовании в тексте приемов, направленных на нагнетание эмоционального напряжения читателя? Эмоциональное напряжение читателей, по мнению эксперта, вызвано высказываемыми автором текста предположениями или сообщаемыми автором фактами?»

13. Согласно выводам эксперта Р. В. Ершовой по поставленным перед экспертами вопросам «Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на формирование чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха?» и «Используются ли в тексте приемы, направленные на нагнетание эмоционального напряжения читателя?», в тексте использован прием сверхобобщения; из психотерапевтической практики известно, что сверхобобщение, как привычка мышления, лежит в основе формирования страхов, фобий, панических расстройств». **Вопрос:** «Является ли упоминание о том, что эксперту известно из психотерапевтической практики, достаточным научным обоснованием сделанных экспертом выводов?»

14. Является ли валидным исследование, проводимое методом анкетирования в том виде, в котором оно представлено в заключении экспертов ООО «Лагуна-100» Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой б/н от 28.06.2019?

ИССЛЕДОВАНИЕ

1. Методические положения

Для разрешения поставленных вопросов использовались методы анализа значений слов, смыслового содержания высказываний и текста, разработанные в лингвистической семантике и лингвостилистике, в том числе трансформационные. Исследование проводилось в соответствии с методиками лингвостилистического, текстологического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа русскоязычного текста, рекомендованными к практическому использованию решением Научно-методического совета при Правлении Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС). В основу методики исследования положены методические рекомендации и понятийный аппарат, изложенные в работах по теории и практике судебной экспертизы [3, 4, 5, 8 и др.] и в работах по лингвистической экспертизе (род экспертизы, соответствующий экспертной специальности 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности», согласно классификации родов и видов экспертиз и экспертных специальностей, отраженной в перечнях, утвержденных приказом Минюста России № 237 от 27.12.2012 г.) [1, 2, 7, 16, 17, 21, 22, 43].

В психологическом исследовании текстов (продуктов речевой деятельности) применялись методы контент-анализа, интент-анализа, интерпретационного анализа, мотивационного анализа. Совокупность перечисленных методов является достаточной для получения обоснованных выводов о психологической направленности спорного текста.

Методами контент-анализа и интент-анализа в целях осуществления исследования документальных источников проводился перевод текстовой информации в количественные показатели с их последующей статистической обработкой. Систематическая числовая обработка полученных данных, её оценка и интерпретация формы и содержания изучаемых источников осуществлялись для выявления проявляющихся в исследуемых текстах мотивации, намерений и целей автора.

При исследовании методом мотивационного анализа мотивации и целеполагания автора использовались количественные данные, полученные в результате применения методов контент-анализа и интент-анализа.

Интерпретационный анализ применялся для установления психологической составляющей текста и интерпретации с позиции психологической науки смыслового содержания высказываний в части, необходимой для понимания и определения интенционной направленности публикации.

Поставленные перед специалистами вопросы частично взаимосвязаны и разрешались совместно.

1.1. Нормативная база исследования

Нормативной базой исследования послужили следующие законы и нормативные документы.

1. Конституция Российской Федерации.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.
3. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
4. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации».
5. Постановление Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации».
6. Приказ Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации».
7. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21.04.20.

1.2. Литература

При проведении исследования использовалась научная и методическая литература, а также ряд словарей русского языка. В том числе:

1. Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора).
2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006.
3. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. — СПб.: ПИТЕР, 2004.
4. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». — М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.

5. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: Норма, 2005.
6. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. – М.: Норма, 2006.
7. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.
8. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. – М.: Амалфея, 2003.
9. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. – М., 2003.
10. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. – М.: Норма, 2004.
11. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие. / Под ред. д.ю.н, проф. Россинской Е.Р. – Москва, 2006.
12. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Престиж, 2005 г.;
13. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004;
14. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. /Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. – М.: Галерея, 2002-2003;
15. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. //Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.
16. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
17. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007.
18. Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2010.
19. Галяшина Е., Горбаневский М., Стернин И. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз. //Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. ФЗГ, 1(6)/2005, с.24-40.
20. Леонарди Д. Анализ диффамационного законодательства: разграничение между утверждением о факте и выражением мнения. //Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. ФЗГ, 1(6)/2005, с.40-65.
21. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. — М.: Медея, 2004.
22. К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. — Барнаул: АлтГПА, 2009.
23. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т./ АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. Р. П. Рогожниковой. — М.: Рус. яз., 1991.
24. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Склярёвской. — М.: Эксмо, 2006.
25. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: ТЕРРА, 1996.
26. С. А. Кузнецов. Современный толковый словарь русского языка. — СПб.: Норинт, 2002.

27. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
28. Т. Ф. Ефремова. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 2001.
29. Большой толковый словарь русского языка. / Под ред. С. А. Кузнецова — СПб.: НОРИНТ, 2004.
30. А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1980.
31. Т. Ф. Ефремова. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. — 2-е изд., испр. — М.: АСТ: Астрель, 2005.
32. Современный /словарь иностранных слов. — М.: Рус. яз., 1992.
33. Словарь иностранных слов. — 18-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1989.
34. Л. П. Крысин. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. — М.: Эксмо, 2008.
35. Н. Абрамов. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. — М.: Русские словари, 1999.
36. Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. — М., Московская международная школа переводчиков, 1994.
37. Новый словарь сокращений русского языка / Под ред. Е. Г. Коваленко. — М.: Издательство «ЭТС», 1995.
38. Г. А. Золотова. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М., «Наука», 1988.
39. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина / Под ред. В. В. Морковкина. — 2-е изд., испр. — М.: Астрель, 2002.
40. В. И. Казарина. Современный русский синтаксис. Структурная организация простого предложения. — Елец, 2007.
41. Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998.
42. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
43. И. А. Стернин, А. М. Шестерина. Маркеры фейка в медиатекстах. Рабочие материалы. — Воронеж: ООО «РИТМ», 2020.
44. Абульханова-Славская К.А. О субъекте психической деятельности, — М., 1973
45. Абульханова-Славская К. А. Мысль в действии. — М., 1968
46. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни, Мысль, 1991
47. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. — М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. – 224 с.
48. Андреева Г. М. Социальная психология. – М., 1997.
49. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб., Питер, 2001.
50. Андерсон, Дж.Р. Когнитивная психология. – СПб.: Питер, 2002. – 496 с.
51. Анисимова Т.В. [и др.]. Основные методы психологического анализа политических текстов: Практикум по курсу лекций «Психология политической коммуникации» – СПб., 2007.
52. Бандура А. Теория социального научения. — СПб.: Евразия, 2000. — 320 с.
53. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия: Изучение влияния воспитания и семейных отношений / Альбер Бандура, Ричард Уолтерс; Пер. с англ. Ю. Брянцевой, Б. Красовского. — М.: Апрель Пресс : ЭКСМО-Пресс, 2000. — 509 с. (Психология. XX век).;

54. Бек Дж.С. Когнитивная терапия: полное руководство. – М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2006. — 400 с.
55. Белых Т.В. Когнитивная психология личности. Саратов, изд. Саратовского университета, 2015
56. Донцов А.И., Дубовская Е.М., Улановская И.М. Разработка критериев анализа совместной деятельности // Вопросы психологии. № 2, 1998. — С. 61-71.
57. Донцов А.И., Токарева М.Ю. Социальный контекст как фактор взаимодействия меньшинства и большинства // Вопросы психологии. № 3, 1998. — С. 115—123.
58. Донцов А.И., Баксанский О.Е. Схемы понимания и объяснения физической реальности // Вопросы философии. № 11, 1998. – С. 75-90.
59. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. Речь, 2003:
60. Ильин Е. П. Психология воли. - СПб.: Питер, 2000.
61. Ильин Е. П. Психология доверия. — М.: Питер, 2013.
62. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. — СПб.: Питер, 2006.
63. Ильин Е.П. Психология зависти, враждебности, тщеславия, Санкт Петербург: Питер, 2014.
64. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. — СПб.: Питер, 2009.
65. Канеман Д. Внимание и усилие / пер. с англ. И. С. Уточкина. — М.: Смысл, 2006. — 288 с.
66. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. — Харьков: Гуманитарный центр, 2005. — 632 с.
67. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. — М.: АСТ, 2013. — 625 с.
68. Ковалев А. Г. Психология личности. Изд. 3-е. – М.: Просвещение, 1970
69. Когнитивная психология: история и современность. Хрестоматия / под ред. М. Фаликман и В. Спиридонова. – М.: Ломоносовъ, 2011. – 384 с.
70. Козлов, В.В. Психотехнологии изменённых состояний сознания / В. В. Козлов. – Изд-во Института психотерапии, 2016. – 400 с.
71. Крюкова Т.Л., Хохлова Ю.А. Феномен когнитивных искажений в субъективной оценке жизненных событий // Личность в трудных жизненных ситуациях: ресурсы и преодоление: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 4–5 октября 2018 / под ред. Л.И. Дементий, А.Ю. Маленовой. — Омск: ОмГУ, 2018.
72. Крюкова Т.Л., Хохлова Ю.А. Когнитивные искажения в оценке состояния собственного благополучия и неблагополучия [Электронный ресурс] // Ананьевские чтения – 2018. Психология личности: традиции и современность.
73. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. К91 Межличностное общение. Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2001. – 544.
74. Левин К., Бандура А. Гештальт-психология и социально-когнитивная теория личности / К. Левин и А. Бандура. — СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. — 125 с.
75. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики, . -- М.: Смысл, 1997. - 287 с.
76. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции: Конспект лекций. — М., 1971.
77. Леонтьев А. Н. Деятельность и сознание //Вопросы философии. — 1972. - № 12.
78. Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В., «Комплексная гуманитарная экспертиза: Методология и смысл»: Смысл; Москва; 2008
79. Маклаков А. Г. Общая психология. — СПб.: Питер, 2000.
80. МакМаллин Р. Практикум по когнитивной терапии: Пер. с англ. — СПб.: Речь, 2001. — 560 с.

81. Мартышенко С.Н. Метод повышения достоверности данных онлайн-опросов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 4. С. 223–235.
82. Маслоу А. Мотивация и личность. — М., 1998.
83. Межличностное восприятие в группе. Под науч. ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — 205 с.
84. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. - 672 с.
85. Мозжухина Ю.Н. Когнитивные искажения как свойство поведенческих моделей, Проблемы педагогики, 2017
86. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования: анализ и интерпретация данных. 4-е изд., стер. — СПб.: Речь, 2012. — 389 с.
87. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. - СПб.: Питер, 2006. — 1096 с.
88. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Истоки и перспективы / Б.Д. Парыгин. — СПб: СПбГУП, 2010. — 533 стр.
89. Платонов К. К. Структура и развитие личности. — М.: Наука, 1986
90. Почебут Л.Г. Социальная психология / Л.Г. Почебут, И.А. Мейжис. — СПб.: Питер, 2010.
91. Психологический словарь / Под общей редакцией Петровского А.В., Ярошевского М.Г., М., 1990. 157. Психологический словарь / Под ред. Зинченко В.П., Мещерякова Б.Г., М.: Педагогика - Пресс, 2001.
92. Психологическое воздействие на личность и группу / Межвузовский сборник научных трудов. Иваново, 1989.
93. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — М., 1946 (переиздание - СПб.: Питер, 1999).
94. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. - М., 1957.
95. Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение. — СПб.: Питер, 2001. — 368 с.
96. Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения / Х. Хекхаузен — Санкт-Петербург: Речь, 2001; 256 стр.
97. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: основные положения, исследования и применение: пер. с англ. с 3-его междунар. изд./Л. Хьелл, Д. Зиглер. — СПб.: Питер, 1999, 2002, 2003. — 606 с.
98. Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. //Речь, СПб., 2006
99. Чалдини Р. Психология влияния. СПб.: Питер, 2016. 338 с.
100. Чикер В.А. Методология и методы социально-психологических исследований. Учебное пособие, изд. СПбГУ, 2010. — 136 с.
101. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. — СПб.: Речь, 2002.

1.3. Экспертные задачи по данной категории дел и понятийный аппарат исследования

1.3.1. Введенное законодателем определение правонарушения, предусмотренного ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, в диспозиции указанной нормы закона имеет следующий вид:

Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и

(или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия лица, распространяющего информацию, не содержат уголовно наказуемого деяния

Лексико-семантический и семантико-синтаксический анализ приведенного определения показывает, что законодатель устанавливает административную ответственность за распространение информации, характеризующееся следующей совокупностью признаков:

- (1) распространение информации произведено *в средствах массовой информации или в информационно-телекоммуникационных сетях*;
- (2) распространенная информация являлась в момент ее распространения *общественно значимой*;
- (3) распространенная информация является *недостоверной*;
- (4) недостоверность распространенной информации являлась *заведомой* (лицо, распространившее информацию, сознавало в момент ее распространения ее недостоверность);
- (5) информация была распространена *под видом достоверного сообщения и (или) нескольких достоверных сообщений*;
- (6) распространение информации *создало угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу*;
- (7) распространение информации *создало угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности*;
- (8) распространение информации *создало угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи*;
- (9) действия лица, осуществившего распространение информации, по ее распространению *не составляют («не содержат»)* уголовно наказуемого деяния.

Приведенному определению удовлетворяет такое распространение информации, которому одновременно присущи признаки (1), (2), (3), (4), (5), (9) и один и только один из признаков (6), (7) или (8), что соответствует использованию в формулировке рассматриваемого определения союза *либо*, последовательно применяемого законодателем для выражения отношений исключительной дизъюнкции.

Понятие *распространения информации* не является специальным понятием лингвистики и (или) психологии. Квалификация тех или иных действий как распространения информации, вероятно, является вопросом факта и относится к компетенции суда.

Квалификация канала распространения как *средства массовой информации*, а равно как *информационно-телекоммуникационной сети* не относится к компетенции специалистов в областях лингвистики и (или) психологии.

Квалификация информации как *общественно значимой* частично относится к компетенции специалиста-психолога; следует также заметить, что для определения общественной значимости информации или отсутствия такой значимости в случаях, когда информация выражается устными или письменными продуктами речевой деятельности, может иметь существенное значение точное смысловое содержание этих продуктов, что предполагает наличие компетенции специалистов в области лингвистики.

Оценка *достоверности* той или иной информации в общем случае (за исключением ситуаций, когда распространенная информация носит специальный лингвистический и (или) психологический характер) выходит за пределы компетенции специалистов.

В случаях, когда информация выражается устными или письменными продуктами речевой деятельности, возможность оценки выраженных языковыми средствами сведений, признанных недостоверными, по параметру их именно *заведомой недостоверности* является функцией от лингвистических и коммуникативных свойств содержащих эту информацию высказываний и текстов; также может иметь существенное значение точное смысловое содержание этих продуктов речевой деятельности, что предполагает наличие компетенции специалистов в областях лингвистики и психологии.

Словесная конструкция *под видом достоверного сообщения* предполагает необходимость изучения языковой формы выражения сведений и коммуникативных свойств продуктов речевой деятельности, эти сведения содержащих, что предполагает наличие компетенции специалистов в областях лингвистики и психологии.

Установление *фактов создания в результате распространения информации угроз определенного содержания* выходит за пределы компетенции специалистов, однако психологические знания могут использоваться для установления направленности тех или иных сообщений на создание подобных угроз.

Признак (9) наличия в действиях лица, распространившего информацию, *состава уголовного преступления* носит сугубо правовой характер, не относится к компетенции специалистов.

Таким образом, **общая экспертная задача**, подлежащая решению в рамках комплексного психолого-лингвистического экспертного исследования материалов дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, для случаев, когда информация распространена в виде продуктов речевой деятельности (устных или письменных текстов на естественном языке), определяется, исходя из понятия задачи судебно-экспертной деятельности, введенного ст. 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»:

Задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении **обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу**, посредством разрешения вопросов, требующих **специальных знаний** в области науки, техники, искусства или ремесла, —

в виде совокупности следующих **частных экспертных задач**:

- установление специальных лингвистических и психологических признаков общественной значимости распространенной информации;
- установление специальных лингвистических и психологических признаков заведомой (для лица, распространившего информацию) недостоверности распространенной информации, предположительно являющейся недостоверной;
- установление специальных лингвистических и психологических признаков распространения информации, предположительно являющейся недостоверной, под видом достоверного сообщения или нескольких достоверных сообщений;
- установление специальных психологических признаков направленности распространенных сведений на создание угрозы причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу;
- установление специальных психологических признаков направленности распространенных сведений на создание угрозы массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности;
- установление специальных психологических признаков направленности распространенных сведений на создание угрозы создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транс-

портной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

1.3.2. Федеральный закон № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» устанавливает (п. 1 ст. 3):

Государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию:

1) в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе в деятельности по ведению делопроизводства;

...

4) в конституционном, гражданском, уголовном, административном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах, делопроизводстве в федеральных судах, судопроизводстве и делопроизводстве у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации

...

6) во взаимоотношениях федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности и граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, общественных объединений;

...

11) в иных определенных федеральными законами сферах.

Использование русского языка как государственного предполагает обязательное соблюдение норм современного русского литературного языка, правил орфографии и пунктуации. Статья 1 (ч. 3, ч. 6) указанного закона содержит ссылки на такие нормы и правила, Министерством образования и науки РФ утвержден ряд источников, полностью или частично регламентирующих орфографическую, словоизменительную, орфоэпическую и фразеологическую нормы современного русского языка (Приказ Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2009 г. № 195, изданный в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 23 ноября 2006 г. № 714). Иные аспекты языковой нормы, в том числе синтаксический и лексический, в силу ряда объективно существующих причин не регламентированы какими-либо правовыми и (или) нормативно-правовыми актами и относятся к сфере компетенции специалистов в области языкознания (лингвистики).

Значения слов, устойчивых словосочетаний, грамматических средств языка фиксируются в словарях и грамматиках. **Словарные значения** охватывают подавляющее большинство случаев употребления слов в реальных текстах.

В речи слова вступают между собой в синтаксические связи, образуя словосочетания, предложения и иные единицы речи, которых нет в системе языка в готовом виде. Возможные значения словосочетания определяются так называемым «сложением» значений входящих в него слов по соответствующим синтаксическим правилам.

Вступление слов в синтаксическую связь и образование словосочетания возможно лишь при условии соблюдения принципа **синсемичности** — принципа сочетания слов, основанного на наличии у них общих **сем** (элементарных единиц смысла) и соответственно двусторонней готовности к соединению.

Так, словосочетание *синий шарф* вполне возможно и осмысленно в современном русском языке, в то время как словосочетание **синий лепет* бессмысленно и невозможно с точки зрения системы языка, поскольку нарушает принцип синсемичности (если прилагательное *синий* и существительное *лепет* использованы в общепринятых, словарных значениях).

Принцип синсемичности (семантического согласования, итеративности сем) основан на объективно существующих свойствах предметов. Не вызывает сомнения, что предметы не существуют в виде чистой субстанции, отдельно от своих свойств и их отношений к другим предметам. Как не существует предмет вне своих свойств, так и свойства не существуют независимо от предметов, вне связи этого предмета с другими предметами. Смысловая соотносительность, сохраняющаяся в пределах класса лексем, позволяет обладателям идентичных сем объединяться в межчастеречные лексико-семантические поля, компоненты которых принимают участие в репрезентации означаемого синтаксической конструкции. Замена одной лексемы на другую в структурных схемах возможна только в пределах одного семантического поля. Например, репрезентация синтаксического концепта «воздействие» осуществляется структурной схемой «кто делает что», когда в позиции именительного падежа представлен личный субъект, а в позиции винительного падежа — артефакт со значением создаваемого или разрушаемого объекта: *Воины разрушили город (крепость, укрепление, заграждение): разрушить* – «уничтожить, руша». Если же в позиции субъекта оказывается имя неодушевленного предмета (*гранатомет разрушил город*), означаемое синтаксической схемы будет иным: `кто-то гранатометом разрушил город`: неодушевленный предмет не может быть производителем действия и выступает лишь в функции орудия действия. Если же в позиции объекта разрушения оказывается личное имя, то выражение оказывается некорректным. Ср.: **Воины разрушили пленных*. Хотя синонимичный глагол *уничтожить* (прекратить существование кого-либо, чего-либо; истребить, упразднить, ликвидировать) вполне допускает в позиции объекта как личное, так и предметное имя. Ср.: *Воины уничтожили пленных` истребили, ликвидировали` – Воины уничтожили город` ликвидировали, разрушили, сожгли`*.

Формальные нарушения принципа синсемичности часто наблюдаются в образной речи, прежде всего в художественной литературе, когда вступающие в синтаксическую связь слова используются в **переносных** значениях — тропах, отсутствующих у этих слов в системе языка.

При анализе смысла, который то или иное выражение приобретает в конкретном тексте, эксперт-лингвист прежде всего принимает во внимание словарные (отраженные в толковых словарях) значения составляющих его слов и устойчивых словосочетаний. Учет словарных значений и буквальное истолкование высказываний на их основе являются достаточными для адекватной интерпретации текста как основной задачи лингвистической экспертизы при выполнении следующих условий:

- объединение словарных значений слов, составляющих высказывание, не нарушает правил сочетаемости слов русского языка;
- выводимый на основе словарных значений смысл высказывания не вступает в противоречие с его контекстом или конституацией (известными эксперту обстоятельствами дела).

Отдельным значениям многозначных слов могут соответствовать свои грамматические особенности. Так, существительное *медь* в значениях «изделия из меди — химического элемента (Cu), ковкого металла желтого цвета с красноватым отливом» и «монеты из такого металла» является собирательным (что влечет за собой появление соответствующего комплекса грамматических свойств), в отличие от того же существительного в других значениях; глагол *подбиться* в значении «войти в доверие, снискать расположение кого-либо» требует дополнения в форме *к + дат.* (*к кому*), а в значении «напоровшись, наскочив на что-либо, повредиться» такого дополнения не требует и не принимает.

По данным «Большого толкового словаря», прилагательное *недостоверный* имеет в современном русском языке единственное значение, которое может быть представлено в

виде ‘вызывающий сомнения в своей достоверности (свойстве соответствовать действительности)’¹. Другие толковые словари современного русского языка приводят сходные дефиниции. Предлог *под видом* имеет в современном русском языке единственное значение ‘выдавая кого-, что-л. за нечто иное’. Соответственно:

- словосочетание *недостоверная информация* выражает в современном русском языке однозначное смысловое содержание, которое может быть представлено в виде ‘информация, вызывающая сомнения в том, что она соответствует действительности’;
- словосочетание *заведомо недостоверная информация* выражает в современном русском языке однозначное смысловое содержание, которое может быть представлено в виде ‘информация, вызывающая у говорящего сомнения в том, что она соответствует действительности’;
- словосочетание *распространение заведомо недостоверной информации под видом достоверных сообщений* выражает в современном русском языке однозначное смысловое содержание, которое может быть представлено в виде ‘такое распространение информации, вызывающей у говорящего сомнения в том, что она соответствует действительности, при котором говорящий выдает ее за информацию, определенно соответствующую действительности’.

1.3.3. Подлинное содержание и свойства текста как продукта речевой деятельности выявляются с помощью специальных лингвистических методик, с использованием особых терминов, в том числе общеязыковых и общенаучных понятий, таких как *информация*, *высказывание*, *контекст*, которые употребляются в лингвистической экспертизе в специальных значениях.

Информация (сведения) — совокупность языковых высказываний о мире, событиях и о положении дел, об отношении отправителя информации к этим событиям. Информация может быть, в частности:

- **фактической (фактологической, фактуальной)** — о конкретных ситуациях, происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности лица юридического;
- **обобщающей** — о типичных событиях, типичном поведении человека, типичных представителях каких-либо групп, о житейских обычаях и т. п.;
- **этически оценочной** — о качествах и поступках людей, о ситуациях или событиях, которые в какой-либо картине мира, в какой-либо ценностной системе описываются как хорошие или плохие;
- **концептуально-аналитической** — о природных или социальных закономерностях, причинно-следственных и иных связях между явлениями реальной действительности;
- **директивной** — организующей поведение людей. Директивная информация может выражаться в различных формах, например, просьбы, требова-

¹ Здесь и далее словарные значения и иные смысловые конструкты оформляются с помощью так называемых ‘марровских’ одинарных кавычек. Если не оговорено иное, словарные значения приводятся по данным «Большого толкового словаря». При этом специалисты принимают во внимание данные всех указанных в разделе 1.2 настоящего заключения толковых словарей современного русского языка. Отсутствие ссылок на иные лексикографические источники следует трактовать как указание на непротиворечивость данных разных словарей в отношении системы значений соответствующей леммы. Отбор актуализированных в рассматриваемых контекстах словарных значений во всех случаях производится специалистами с учетом требования синсемичности — принципа сочетания слов, основанного на наличии у них общих сем (элементарных единиц смысла) и соответственно двусторонней готовности к соединению, а также грамматических признаков, проявляемых словоупотреблениями в рассматриваемых контекстах.

ния, информирования об обязанностях. Частный случай высказывания, содержащего директивную информацию, — **вопрос**, выражающий запрос тех или иных сведений (за исключением так называемых риторических вопросов, характеризующихся иными коммуникативными намерениями). **Адресат** директивной информации — лицо или лица, по отношению к деятельности которых данная информация является организующей.

Источник информации (сведений) — тот, кто предоставляет информацию. Источники информации могут быть определенными: поименованными в тексте (*Как сообщил пресс-секретарь, Как сообщил В. В. Иванов, Как сообщает РИА "Новости"*) или анонимными, неназванными (*Как сообщил представитель Администрации Президента, не пожелавший себя назвать*), — а также неопределенными (*По слухам, Как говорят все, По некоторым сведениям, Как нам стало известно*).

Высказывание — речевая единица, передающая относительно законченный фрагмент информации, сведений.

Контекст слова, выражения, высказывания — относительно законченная в смысловом отношении часть текста, достаточная для понимания смысла употребления этого слова, выражения, высказывания в конкретном тексте. Влияющие на смысловое восприятие слова, выражения или высказывания фрагменты текста, предшествующие этому слову, выражению или высказыванию, называются его предыдущим, или левым контекстом; фрагменты текста, находящиеся в тексте после слова, выражения или высказывания, формируют их последующий, или правый контекст. Наибольшее влияние на смысловое восприятие компонентов текста оказывает их предыдущий контекст. Необходимость рассмотрения последующего контекста, как правило, возникает в ситуациях, когда левый контекст не является достаточным для осмысленного непротиворечивого толкования компонента текста или в его правом контексте имеются высказывания, уточняющие или раскрывающие его смысл и тем самым влияющие на его интерпретацию.

Восприятие речи — процесс извлечения адресатом речевого сообщения смысла, находящегося за внешней формой речевых высказываний.

Текст — максимальная речевая единица, несущая целостный смысл. Как правило, в целях адекватного анализа высказывания, даже в тех случаях, когда вопросы задаются только по отдельным фрагментам текста, в лингвистической экспертизе необходимо анализировать текст целиком. Такой анализ позволяет выявить контекст высказываний, без которого понимание их смысла невозможно. Стилистический анализ отдельных высказываний также требует их сопоставления с общими стилистическими свойствами текста. Языковые средства, недопустимые и социально неприемлемые в передовице серьезной газеты, вполне уместны в фельетоне, который может быть опубликован в той же самой газете на другой полосе. Стилистика текста определяется как его жанром, так и авторскими особенностями стиля.

Конситуация текста, высказывания — обстоятельства и факты реальной действительности, существующие на момент создания текста, влияющие на коммуникативные установки говорящего (автора текста). Анализ конситуации позволяет установить подлинный смысл высказываний, составляющих текст, а для ситуации диалогической речи — установить также, как именно было понято то или иное высказывание собеседником.

Мнение (о фактах, событиях, лицах) — суждение, выражающее чью-нибудь точку зрения, отношение к кому-либо, чему-либо. Мнение может выражаться: 1) в форме предположения; 2) в форме утверждения. Мнение в форме предположения выявляется на основе формальных признаков — распознается по наличию специальных маркеров, предусмотренных системой языка, то есть определенных слов и конструкций (например: *по мо-*

ему мнению; мне кажется; я думаю; надо полагать, что и др.). Мнение в форме утверждения таких маркеров не содержит, выявляется на основе семантических (смысловых) свойств суждения. Для распознавания мнения, выраженного в утвердительной форме, имеет значение прежде всего характер информации, содержащейся в высказывании (оценочная, аналитическая, обобщающая).

Выражение своих мнений и убеждений, то есть пользование свободой слова, налагает на гражданина особые обязанности и сопровождается некоторыми ограничениями, установленными законом. Речь идет о необходимости уважать права и репутацию других лиц, охранять здоровье и нравственность общества, общественный порядок, государственную безопасность.

Мнение, в отличие от утверждения о фактах, не может соответствовать или не соответствовать действительности, так как отражает не реальную действительность, а ее восприятие человеком, не мир, но его личную картину мира, однако оно может подтверждаться или не подтверждаться фактами, событиями объективной действительности. Мнение может опираться на факты, этим оно отличается от **домысла**, и содержать оценку фактов и их комментарии, в этом его отличие от **знания**.

Изложение мнения (устно или письменно), в отличие от утверждения о фактах, обычно сопровождается указанием на носителя мнения. Ср.: *Сидоров уехал* — констатация факта. А высказывания (1) *Я думаю, Сидоров уехал* и (2) *Как думает начальник, Сидоров уехал* выражают мнения: в первом случае это мнение самого говорящего (*Я думаю*), во втором случае — мнение начальника (*Как думает начальник*). Мнение содержит информацию, но не о самой действительности (фактах), а о том, какой образ действительности есть у говорящего.

Мнение может характеризоваться как обоснованное или необоснованное, как доказанное или бездоказательное, но не характеризуется как соответствующее или не соответствующее действительности. Право выражать мнение закреплено за гражданами России законодательно (Конституция РФ, ст. 29), оно в профессиональном аспекте касается журналистов, работников средств массовой коммуникации (закон «О средствах массовой информации», ст. 47, п. 9) и охраняется международными актами (в частности, Всеобщей декларацией прав человека, Международным пактом о гражданских и политических правах, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод).

Мнение может формироваться на основе фактов или же быть предвзятым, не основанным на фактах. Человек может формировать свое мнение сознательно, рационально оценивая факты, или бессознательно, не отдавая себе отчета в том, почему он так считает. В случае, когда в тексте изложен ряд фактов, сопровождающийся каким-то **выводом**, вытекающим из них, такой вывод, как правило, трактуется как разновидность предположения. Вывод может быть неверным по двум причинам: (1) одно из логически предшествующих ему утверждений о фактах не соответствует действительности; (2) ошибочна сама логика рассуждений (факты изложены достоверно, но такой вывод на их основании сделать нельзя). Вывод — это осознанно сформировавшееся мнение. Вывод может быть выражен в форме утверждения, что подчеркивает уверенность говорящего в его правильности.

Вывод может носить негативный характер в чем-либо отношении. В этом случае, если обоснование вывода раскрыто в тексте и читатель имеет возможность проверить логику рассуждений автора, но факты, на которые опирается автор, изложены недостоверно, может быть признано, что исходные утверждения о фактах, которые сами по себе могут быть нейтральными в отношении лица X, представляют собой сведения, негативно характеризующие X через основанный на них вывод.

Например, в тексте присутствуют высказывания: *В прошлом году был убит гр-н А. Убийца до сих пор не найден. Давайте посмотрим, у кого был мотив на совершение этого убийства.* — а также излагаются факты, свидетельствующие о том, что мотив на совершение убийства А был у гр-на Б. Однако в действительности убийца А найден и его виновность установлена приговором суда. В этом случае вывод-предположение о том, что убийцей А мог быть гражданин Б, основано на утверждении о фактах *Убийца до сих пор не найден.* Такое утверждение может быть признано порочащим в отношении Б через основанное на нем негативное предположение (вывод).

Если же фактического обоснования вывода в тексте нет или читатель не имеет возможности проверить логику рассуждений автора по другим причинам (например, для этого требуются специальные познания, которыми читатель не обладает), а сам этот вывод сформулирован в безапелляционной утвердительной форме, такой вывод может и должен рассматриваться как утверждение о фактах.

Утверждение — высказывание (выражение мнения, суждение), в котором утверждается что-либо и в котором отображается связь предмета и его признаков. Утверждение грамматически выражается формой повествовательного предложения — как невосклицательного, так и восклицательного. Некоторые утверждения могут быть проверены на соответствие действительности.

В зависимости от характера выражаемой информации утверждение может быть утверждением о фактах (например, *Иван имеет рост 1 м 80 см*), оценочным суждением — субъективным мнением (*Иван высок*), в том числе негативно окрашенным (*Иван — дылда*), обобщающим утверждением — выводом (*столбы обычно высоки*) и т. д.

Утверждение о фактах всегда основано на **знаниях**, которыми обладает говорящий. Утверждения о фактах подлежат **верификации** — проверке на соответствие действительности. **Соответствие действительности** не следует путать с **истинностью** высказывания. Истинными или ложными могут быть признаны высказывания, по форме представляющие собой не только утверждения, но и предположения, выводы и т. п. Истинность высказывания *Основная причина сегодняшнего благополучного положения России — высокий уровень мировых цен на энергоносители* может быть подтверждена или опровергнута методами экономической науки, однако такое исследование не является верификацией. Достаточно сказать, что истинностная оценка этого высказывания зависит от критериев, применяемых при оценке истинности таких его компонентов, как *основная причина* или *высокий уровень цен*.

Несоответствие действительности высказываемого говорящим утверждения о фактах означает, что говорящий сознательно вводит адресата высказывания в заблуждение, зная о ложности сообщаемых им сведений либо выдавая собственные предположения или мнение за твердые знания.

По употребленным языковым средствам, по риторическим приемам можно определить, во-первых, считает автор информацию о мире истинной или сомневается в ней, подает он ее как несомненную истину или как свое предположение. И, следовательно, если информация не соответствует действительности, то следует говорить об умышленном распространении автором ложной информации или о его добросовестном заблуждении. Во-вторых, по языковой форме можно с определенной уверенностью прогнозировать, как аудитория воспримет информацию — как истину или как гипотезу, как чью-то субъективную оценку ситуации, предположение — и, следовательно, как она отнесется к описываемым людям и событиям.

Собственно верификация информации не является и не может быть задачей лингвистической экспертизы, выходит за пределы компетенции экспертов-лингвистов. Проверка сведений на соответствие действительности относится к компетенции следствия,

дознания и суда. Эксперт-лингвист может и должен установить форму выражения информации и указать тем самым, подлежит ли она верификации.

Свойство быть утверждением о фактах, оценочным утверждением, предположением и т. п. — это свойство самого высказывания, **форма выражения** информации, объективно ему присущая. Большинство высказываний отражают чье-то личное мнение, но это мнение может быть выражено в различных формах: предположения, утверждения о фактах и т. п.

То обстоятельство, что разные формы информации о мире и людях по-разному соотносятся с ее верифицируемостью, имеет решающее значение для лингвистической экспертизы по делам различных категорий. Информация, распространяемая автором в форме утверждений о фактах, подается в тексте как его знание и автоматически, другими словами, бессознательно воспринимается аудиторией как истинная. Именно к ней предъявляется требование соответствия действительности и применяется процедура верификации. Если в форме утверждений о фактах распространяются ложные сведения (ложность которых, равно как и умышленность распространения, доказана следствием или соответствующей стороной в судебном процессе), то можно говорить о клевете или же о добросовестном заблуждении автора, что влечет соответствующие правовые последствия.

Если же информация распространяется в форме выражения мнения, то она аудиторией заведомо воспринимается критически, как гипотетическая, не обязательно истинная; общественный резонанс от распространения такой информации слабее. Сведения, трансформируемые в формах мнения, отображают не реальную действительность, не реальный мир, а тот образ действительности, который имеется в индивидуальном сознании автора или в коллективном сознании той группы людей, мнения и интересы которой отображает автор, — **возможный мир**, как называют его логики и лингвисты, или **картину мира**. Они рассказывают аудитории не о том, что есть в действительности, не о том, каков человек в жизни, а о том, какой образ действительности, какой образ этого человека сложился у данного автора. Картина мира изучается, описывается в особых терминах, но не оценивается по параметру соответствия действительности.

К информации, распространяемой в форме мнения и его разновидностей (предположения и сомнения, оценки, вывода и т. п.), не предъявляется требование соответствия действительности. Следует, впрочем, оговориться, что сказанное в полной мере относится к таким случаям выражения мнения, когда оценки и выводы говорящего сопровождаются изложением сведений о фактах, на которых эти оценки и выводы основаны. Лишь при этих условиях адресат информации имеет возможность самостоятельно проверить логику рассуждений и суждений ее отправителя, а также соответствие описанных в тексте фактических обстоятельств тем или иным критериям субъективной оценки. Поскольку такие критерии в общем случае могут быть различными у разных лиц, при подобном способе изложения информации автор предоставляет читателю возможность как присоединиться к выраженным в тексте оценкам и выводам, так и сформировать собственное мнение, основанное на той же фактической базе, однако удовлетворяющее иным субъективным критериям и иным рассуждениям об изложенных в тексте фактах.

Оценочные утверждения (содержащие оценку мнения или предположения, выраженные в форме утверждений), как правило, нельзя верифицировать — проверить на соответствие действительности. Например, нельзя верифицировать утверждение *Елкин — ленивец*, так как у каждого свое представление о лени. Но ср.: *Елкин плохо работает* — утверждение, содержащее оценку (*плохо*), которое подлежит проверке на соответствие действительности, так как есть критерии нормальной работы (например, должностные инструкции, нормы трудового законодательства). Бесспорным критерием соответствия дей-

ствительности той или иной оценки могут служить также вступившие в законную силу судебные решения и приговоры, содержащие оценку соответствующего факта.

Предположение, в отличие от утверждения, содержит специальные **маркеры предположительности** — слова, обороты и грамматические средства, выражающие неуверенность, сомнение, вероятность происхождения того или иного события, одну из ряда возможных версий (например, *может быть, вероятно, по-видимому, как представляется, думается*). Предположение является одной из форм выражения мнения, когда автор текста хочет подчеркнуть предварительный характер высказываемых доводов или собственную неуверенность в их достоверности.

В высказываниях-мнениях часто содержатся **скрытые** утверждения о фактах. Например: *Я считаю, что Сидоров — лежебока, потому он и опоздал* — в этом высказывании-мнении содержится оценочное суждение (*Сидоров — лежебока*) и ссылка на якобы имевший место факт "Сидоров опоздал", истинность которого не обсуждается в силу общеизвестности или очевидности. Скрытая форма высказываний противопоставлена **форме явной**. Если информация, выраженная в явной форме, оформляется отдельным предикатом, то скрытая форма выражения сведений такого оформления не имеет. Сведения в скрытой форме выражаются в различных формах, таких как именные словосочетания, адъективные словосочетания, причастные и деепричастные обороты и т. п. Информация, выражаемая в скрытой форме, может быть как фактической, так и оценочной, аналитической или обобщающей, такая информация может сопровождаться различными маркерами предположительности сообщаемых сведений и иными маркерами выражения мнения, как, например, в высказывании *Характерная для многих мусульман практика применения хиджаба в процессе обучения в светских образовательных учреждениях была названа докладчиком социально опасным явлением, противоречащим, по его убеждению, основам конституционного строя Российской Федерации*. При отсутствии таких маркеров скрытая форма выражения информации рассматривается как утвердительная. В приведенном примере наряду с выраженной в явной форме фактической информацией (докладчик назвал практику ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях социально опасным явлением) присутствует множество сведений, выражаемых в скрытой форме: практика ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях является социально опасным явлением (аналитическая информация с элементами оценки в утвердительной форме, со ссылкой на докладчика как источник сведений, отражает мнение докладчика); практика ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях является характерной для многих мусульман (обобщающие сведения в утвердительной форме, отражают мнение говорящего); практика ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях противоречит основам конституционного строя РФ (аналитическая информация в форме убеждения докладчика).

Существует также **пресуппозитивная (затекстовая) форма**, когда информация о каких-то аспектах события в тексте непосредственно не выражена, но подразумевается. Пресуппозитивная форма является объективной, так как соответствующая информация извлекается из текста любым носителем языка на основе элементарной логики и здравого смысла. Однако не любой вывод, который можно сделать на основе логического анализа текста, может быть отнесен к пресуппозитивной информации. Информация, выраженная в пресуппозитивной форме, объективно присутствует в тексте лишь в том случае, если без этой информации полное понимание текста невозможно. Например, в высказывании *Иван работает на заводе уже двадцать лет* присутствует пресуппозитивная информация «Иван — взрослый человек, находящийся в трудоспособном возрасте». Поскольку пресуппозитивная информация воспринимается слушающим как **заведомо истинная**, пресуп-

позитивная информация фактического типа в большинстве случаев приравнивается к **утверждениям о фактах**.

Содержание, или **смысл высказывания** — мысль, суждение, или их фрагмент, отраженные в структуре высказывания (предложения, фрагмента текста, текста), а также складывающиеся из значений и порядка слов, составляющих высказывание.

Интерпретация — раскрытие смысла, содержания чего-либо.

Тема — известное, исходное, данное, то, о чем говорится в высказывании или фрагменте текста. В общем случае высказывание или иной фрагмент текста может содержать информацию, относящуюся к нескольким потенциальным темам. В зависимости от контекста актуализируются те или иные потенциальные темы. Выделение потенциальных тем возможно с разной степенью конкретизации. Разделение потенциальной темы на отдельные подтемы и объединение нескольких тем в гипертему носит условный характер, не оказывает решающего влияния на результаты лингвистического исследования; основным критерием, определяющим необходимую степень конкретизации той или иной темы, является операциональность. Под темой высказывания или фрагмента текста в настоящем заключении понимается актуализированная потенциальная тема. Термин *тема* не используется в настоящем заключении в узкоспециальном значении для обозначения компонента высказывания, выделяемого в рамках актуального членения предложения.

Как показано в подразделе 1.3.2 настоящего заключения, словосочетание *распространение заведомо недостоверной информации под видом достоверных сообщений* выражает в современном русском языке однозначное смысловое содержание, которое может быть представлено в виде ‘такое распространение информации, вызывающей у говорящего сомнения в том, что она соответствует действительности, при котором говорящий выдает ее за информацию, определенно соответствующую действительности’.

Нетрудно видеть, что смысловое содержание указанного словосочетания включает в себя обязательный смысловой компонент, указывающий на то, что речь идет о распространении информации в такой форме, которая обеспечивает возможность ее проверки на соответствие действительности. А из изложенного в настоящем подразделе заключения следует, что единственной формой выражения информации, обеспечивающей эту возможность, является форма утверждения о фактах.

Таким образом, с точки зрения норм и правил современного русского языка как государственного языка РФ, словосочетание *распространение заведомо недостоверной информации под видом достоверных сообщений* является осмысленным лишь при условии его использования для обозначения акта или процесса распространения сведений, выраженных в форме утверждения о фактах, но не в какой-либо из форм выражения мнения (в форме предположения, сомнения, оценочного суждения и т. п.).

В качестве заведомо недостоверной информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, могут рассматриваться лишь сведения, выраженные в форме утверждений о фактах. Аналогичный вывод сформулирован И. А. Стерниным и А. М. Шестериной в специальной работе «Маркеры фейка в медиатекстах», посвященной методическим аспектам производства лингвистических судебных экспертиз по делам данной и иных подобных категории: «Если перед нами оценочное суждение, оно не может быть отнесено к категории «фейки». Человек имеет право на любую, в том числе и ошибочную оценку. Поэтому прямое выражение оценки должно оцениваться не как факт, а как мнение. Оно не рассматривается экспертами как фейк независимо от наличия в нем признаков недобросовестного информирования» [43, с. 4].

1.3.4. Психологическое содержание и свойства коммуникативного акта, отраженного в тексте (продукте речевой деятельности), выявляются с помощью специальных психологических методик, с использованием особых терминов и общенаучных понятий.

В классической психологии, науке о закономерностях развития и функционирования психики как особой формы жизнедеятельности, основанной на *явленности в самонаблюдении особых переживаний, не относимых к внешнему миру*, существуют собственные, отражающие фундаментальный научный подход определения. В психологической интерпретации любого социального явления рассматриваются как субъективные намерения, так и объективные действия каждой из сторон социальной (социально-психологической) коммуникации. Употребляемые в настоящем заключении термины призваны обеспечить терминологическую непротиворечивость и единообразие понимания подготовленных выводов и ответов на поставленные вопросы. Специфические психологические явления требуют включения в текст заключения определений и терминов, отражающих особенности их применения в психологических дисциплинах, таких как социальная психология, психология отношений, психология эмоций, когнитивная психология.

Воздействие — в психологии — целенаправленный перенос движения и информации от одного участника взаимодействия к другому. По степени изменения в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях субъекта — адресата воздействия можно судить о степени влияния на него воздействующего субъекта или объекта.

Восприятие — в психологии — отражение в сознании человека предметов или явлений при их непосредственном воздействии на органы чувств. Наиболее важные особенности восприятия — предметность, целостность, структурность, константность и осмысленность.

Замысел сообщения — это информация в исходном виде, которую один партнер намерен передать другому, объект глубинного уровня порождения сообщения, на котором существует лишь смутный проект предстоящего высказывания.

Коммуникативное намерение (или коммуникативная интенция) — желание вступить в общение с другим лицом. Так, намерение поужинать и намерение предложить кому-то поужинать вместе различаются отсутствием или наличием коммуникативной интенции.

Манипулятивное воздействие, несмотря на его скрытый и тайный характер, распознаваемо по основным его признакам: стремлению овладеть волей партнера, обману и проявлениям лицемерия в поведении. *Асимметричность отношений* — это критерий, который сближает понятия *власть, давление, манипуляция* и одновременно позволяет выделить *личное влияние* как отдельный феномен, где главным критерием является симметричность отношений партнеров по общению.

Мотив (в психологии) — побуждения к деятельности, связанные с удовлетворением потребностей субъекта; совокупность внешних или внутренних условий, вызывающих активность субъекта и определяющих ее направленность. Также мотив определяется как предмет, материальный или идеальный, достижение которого выступает смыслом деятельности, и как побуждающий и определяющий выбор направленности деятельности, ради коего она выполняется, или осознаваемая причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности. Мотив явлен субъекту в виде специфических переживаний, характеризующихся либо положительными эмоциями от ожидания достижения данного предмета, либо отрицательными, связанными с неполнотой настоящего положения. Но для осознания мотива, то есть для включения этих переживаний в культурно обусловленную категориальную систему, требуется особая работа. Мотив рождается в акте *определения потребности*, определяется как предмет потребности, предмет потребности — не обязательно вещь, он может быть идеальным.

Общение — сложный, многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностью в совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятия и понимания партнера по общению. В самом общем виде общение выступает как форма жизнедеятельности, и его социальный смысл состоит в том, что оно выступает средством передачи форм культуры и общественного опыта. Общение — реализуемое знаковыми средствами взаимодействие двух или более субъектов, вызванное потребностями совместной деятельности и направленное на значимое изменение в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнера.

В реальной человеческой жизни имеют место *три основные стратегии: императивная, манипулятивная и развивающая*, где отношение к партнеру по общению как к объекту меняется на отношение к нему как к субъекту.

Представлением — в психологии — называется наглядный образ предмета, или явления, или события, возникающий на основе прошлого опыта, а именно: данных ощущений (сенсорики) и восприятий (перцептивных образов), — путём его воспроизведения в памяти или в воображении. Различают *представление памяти и представление воображения*. Представления возникают в отсутствие относящихся к ним объектов, они обычно менее ярки и менее детальны, чем образы восприятия, но в то же время более схематизированы и обобщены.

К **психологическим структурным компонентам акта речевой коммуникации** относятся *коммуникативное намерение, замысел и цель*, формирующие мотивационную составляющую акта, которая определяет, что, зачем и почему хочет сказать автор высказывания, а также *понимание сообщения* — когнитивную составляющую акта речевой коммуникации.

Цель — осознанный образ предвосхищаемого, желаемого результата, на достижение коего направлено действие человека; заранее мыслимый результат сознательной деятельности, имеется в виду осознаваемый образ результата, который удерживается в сознании все время, пока выполняется действие.

2. Осмотр и предварительное исследование представленных материалов

С целью идентификации объектов исследования и определения его методики специалистами произведены осмотр и предварительное исследование (предварительное изучение) представленных для производства экспертного исследования материалов дела об административном правонарушении.

Текст, распространение которого квалифицируется протоколом АД № 1121326 по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, представлен в материалах дела **в двух редакциях** в приложениях к актам осмотра Интернет-ресурсов, составленным в разное время 09.04.2020 майором полиции А. С. Кошкиным (т. 1, л. д. 43–53; т. 1, л. д. 54–64). Визуальное сопоставление указанных редакций текста показало, что они **не являются тождественными**. Так, высказывание «Здесь может быть то же самое: пишут что угодно, но не пневмонию» (т. 1, л. д. 64, абзац 1) в т. 1 на л. д. 53 имеет орфографически ошибочный вид «Здесь может быть тоже самое: пишут что угодно, но не пневмонию». Впрочем, указанная орфографическая ошибка не приводит к появлению у высказывания иного смысла, допускает единственно возможный способ восстановления орфографической нормативности текста, тем самым не является существенной для разрешения поставленных перед комиссией специалистов вопросов. Присутствующее в последнем абзаце в т. 1 на л. д. 53 приглашение подписываться на канал автора не связано с текстом ни тематически, ни в структурном отношении, в дальнейшем не рассматривается как часть текста, тем самым его нали-

чие также не является существенным для разрешения поставленных перед комиссией специалистов вопросов.

Некоторые поставленные перед комиссией специалистов вопросы предполагают необходимость изучения как выводов, так и исследовательской части заключения экспертов ООО «Лагуна-100» Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой б/н от 28.06.2019, составленного по результатам экспертизы, по отношению к которой настоящее исследование является дополнительным.

Исходя из существа поставленных вопросов и принимая во внимание описанные в подразделе 1.3.1 настоящего заключения экспертные задачи, подлежащие решению по данной категории дел, можно констатировать, что **исследованию подлежат**:

- словосочетание современного русского языка как государственного языка Российской Федерации *недостовверная информация*;
- выраженная на современном русском языке как государственном языке Российской Федерации словесная конструкция, составляющая диспозицию ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, рассматриваемая в качестве контекста словосочетания *распространение заведомо недостоверной информации под видом достоверных сообщений*;
- словосочетание современного русского языка *распространение заведомо недостоверной информации под видом достоверных сообщений*, подлежащее рассмотрению в контексте словесной конструкции, составляющей диспозицию ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ;
- текст, представленный в материалах данного дела об административном правонарушении в двух редакциях в приложениях к актам осмотра Интернет-ресурсов, составленным в разное время 09.04.2020 майором полиции А. С. Кошкиным (т. 1, л. д. 43–53; т. 1, л. д. 54–64) (в дальнейшем также *исследуемый текст, спорный текст*). Имеющиеся между указанными редакциями текста различия не позволяют констатировать их (редакций) тождество, однако не являются существенными для разрешения поставленных перед комиссией специалистов вопросов;
- текст заключения экспертов ООО «Лагуна-100» Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой б/н от 28.06.2019.

3. Анализ спорного текста

В настоящем разделе заключения описан ход и результаты анализа высказываний, составляющих спорный текст, проведенного специалистами методами структурно-тематического, лексико-семантического, семантико-синтаксического, интерпретационного, мотивационного анализа, контент-анализа, интент-анализа.

3.1. Лингвистический анализ

В структурном отношении спорный текст может быть представлен в виде следующей последовательности коммуникативных блоков.

1. Лид (первый абзац) текста, содержащий завязку повествования.

Интересная история, вовсе не кажущаяся сейчас конспирологической, берedit умы граждан: Коломна с декабря, а то и раньше, по-вально болет коронавирусом.

В лиде автор привлекает внимание читателя **субъективным оценочным суждением** о том, что история, которую он собирается рассказать, является *интересной* — ‘возбуждающей интерес (внимание, любопытство, проявляемое к кому-, чему-л.); заниматель-

ной, любопытной' или 'отличающейся необычностью, богатым внутренним содержанием', — заявляет главную и единственную тему повествования — о ситуации с заболеваемостью коронавирусом в Коломне (**оценочная информация** о масштабах заболеваемости как *повальных* — 'охватывающих всех, многих; поголовных, массовых' здесь лишь заявлена, более подробно рассматривается в дальнейшем тексте, к которому автор и привлекает внимание читателя, тем самым не является с точки зрения структуры исследуемого текста самостоятельным завершенным суждением), высказывает **субъективное аналитическое суждение** о том, что тема является актуальной и важной («бередит умы граждан») и подчеркнуто субъективное **аналитическое предположение** (используется маркер предположительности *казаться*) о том, что анонсируемое автором повествование может не относиться к разряду *конспирологических* — связанных с теориями заговора.

2. В следующем коммуникативном блоке автор ссылается на не названные им в данном абзаце, но раскрытые ниже источники информации («публикации по теме») и представляет в форме **субъективного аналитического суждения** («Я... понял, что...») содержание указанных источников информации и свои выводы по результатам их изучения. Автор сообщает также **фактическую информацию**, описывающую его личный опыт («нам наш педиатр честно сказала: направление дам, но вас не положат, там некуда»), **о содержании своей беседы с педиатром** в связи с болезнью ребенка или детей автора, направленную в структуре исследуемого текста на подтверждение обоснованности авторских выводов.

Я начал смотреть публикации по теме, и понял, что не только коломенцам кажется странным, что с конца октября (пик в декабре) детские больницы битком набиты пациентами с пневмонией так, что некуда укладывать (нам наш педиатр честно сказала: направление дам, но вас не положат, там некуда), и группы в садах и классы в школах уходят на карантин, а взрослые — через одного с температурой и кашлем. И далее в январе-феврале в Коломне у многих детей температура и горло с сухим кашлем, носовые кровотечения и удушье, плюс продолжение пневмонии. Взрослые тоже болеют, и болеют много, но симптомы разные. Интересно, правда?

Поскольку содержание публикаций, на которые ссылается автор, подробно представлено в исследуемом тексте в последующих коммуникативных блоках, читатель имеет возможность, основываясь на предоставленных автором сведениях о содержании публикаций иных информационных ресурсов, как согласиться с авторскими выводами и обобщениями, выражаемыми в данном коммуникативном блоке, так и сформировать собственное мнение, отличное от авторского, опирающееся на те же исходные данные. При такой структуре текста оснований приравнивать аналитические и обобщающие суждения автора к утверждениям о фактах не имеется.

С учетом изложенного, в данном коммуникативном блоке в форме **утверждения о фактах**, допускающей проверку информации на соответствие действительности, представлена **лишь информация о содержании беседы автора с педиатром**, а именно: «нам наш педиатр честно сказала: направление дам, но вас не положат, там некуда».

Иные содержащиеся в данном коммуникативном блоке **сведения** представляют собой выражения **субъективного мнения автора**, отражающие не реальную действительность, но ее образ, сложившийся в сознании автора, а следовательно, **не могут быть проверены на соответствие действительности**.

3. В следующем коммуникативном блоке автор излагает сведения о содержании публикаций первого из анонсированных им в блоке 2 информационных ресурсов — коломенского портала kolomna-spravka.ru.

В Коломне местный портал kolomna-spravka.ru несколько раз брал комментарии у зав. инфекционным детским отделением и началь-

ника городского «Роспотребнадзора», которые говорили, что да, есть «внебольничная пневмония», но это сезонный вирус, хоть и гораздо мощнее, чем обычно, протекает, а дальше будет грипп, который может вызвать новую волну.

Всего в 2019-м переболело пневмонией 842 коломенца (в 1,7 раза больше, чем в прошлом году), из них детей – 542 (в 3,8 раза больше). А сколько с горлом и температурой? Таких данных не приводится, но, по моим ощущениям, очень много: болели практически все знакомые и родственники. Болели долго и сильно, некоторые по нескольку раз подряд (есть случаи по две пневмонии подряд), некоторые – до сих пор.

Маркером, обеспечивающими представление всей сообщаемой в данном коммуникативном блоке информации как сведений, излагаемых со ссылкой на портал kolomna-spravka.ru как источник информации, является наряду с абсолютным началом блока («В Коломне местный портал kolomna-spravka.ru несколько раз брал комментарии...»), сопровождается изложением указанных комментариев) словесная конструкция «Таких данных не приводится...», содержащая пресуппозитивную информацию, что изложение сведений, опубликованных указанным выше информационным ресурсом, продолжается.

Данный коммуникативный блок содержит **фактические сведения**:

- о содержании комментариев заведующего инфекционным детским отделением некоего коломенского лечебного учреждения и начальника городского управления «Роспотребнадзора», данных журналистам портала kolomna-spravka.ru и опубликованных на указанном портале («говорили, что да, есть «внебольничная пневмония», но это сезонный вирус, хоть и гораздо мощнее, чем обычно, протекает, а дальше будет грипп, который может вызвать новую волну»);
- о сравнительном количестве случаев заболевания пневмонией в Коломне в аналогичные периоды 2019 и 2020 года («Всего в 2019-м переболело пневмонией 842 коломенца (в 1,7 раза больше, чем в прошлом году), из них детей – 542 (в 3,8 раза больше)»);
- о том, что указанные количественные данные были опубликованы на портале kolomna-spravka.ru.

Высказывания, содержащие описанные фактические сведения, имеют утвердительную форму (повествовательные высказывания в изъявительном наклонении, в прошедшем времени), маркеры предположительности, иные маркеры выражения мнения, действие которых распространялось бы на описанные фактические сведения, отсутствует. Следовательно, представленная приведенным маркированным списком информация выражена в исследуемом тексте в форме **утверждений о фактах**.

4. В следующем коммуникативном блоке автор излагает сведения о содержании публикаций иного анонсированного им в блоке 2 информационного ресурса — портала svpressa.ru.

Портал svpressa.ru озаботился навалившейся на Россию пневмонией еще в январе и собрал воедино всё, что по этому поводу известно (а известно мало, поскольку «Роспотребнадзор» информацию скрывает и не выдает). Вот что пишут:

«Не далее как в ноябре 2019 года из-за высокой заболеваемости пневмонией... ..на карантин пришлось практически пачками закрывать школы сразу в нескольких регионах страны – Владимирской, Нижегородской, Оренбургской и Тюменской областях, Ульяновске, Красноярске, Челябинске, Ростове-на-Дону. В декабре точно также пришлось поступить уже и в Московской области, в частности, в городском округе Коломна...»

Там же эксперты поясняют, что вирусная пневмония «может быть вызвана непосредственно коронавирусом. Также она может проявиться как осложнение после перенесенной вирусной инфекции... .. чаще все же пневмония является осложнением ОРВИ.»

Фактические сведения, сообщаемые в данном коммуникативном блоке, приведены **в форме цитат** из публикаций, размещенных на портале svpressa.ru. К фактической информации относятся:

- сведения о фактах множественных (в цитируемой автором публикации используется экспрессивное оценочное наречие *пачками*) закрытий в ноябре 2019 г. школ с объявлением карантина во Владимирской, Нижегородской, Оренбургской и Тюменской областях, Ульяновске, Красноярске, Челябинске, Ростове-на-Дону;
- сведения о фактах множественных закрытий в декабре 2019 г. школ в Московской области, в том числе в городском округе Коломна;
- сведения о том, что указанная информация о закрытии школ была опубликована на портале svpressa.ru.
- сведения о дословном содержании выраженных **в предположительной форме** (используются маркеры *может быть, может*) **субъективных аналитических суждений** не называемых в исследуемом тексте экспертов, опубликованных на портале svpressa.ru, а именно: «эксперты поясняют, что вирусная пневмония «может быть вызвана непосредственно коронавирусом. Также она может проявиться как осложнение после перенесенной вирусной инфекции... .. чаще все же пневмония является осложнением ОРВИ.»

Высказывания, содержащие описанные фактические сведения, имеют утвердительную форму (повествовательные высказывания в изъявительном наклонении, в прошедшем времени), маркеры предположительности, иные маркеры выражения мнения, действие которых распространялось бы на описанные фактические сведения, отсутствует. Следовательно, представленная приведенным маркированным списком информация выражена в исследуемом тексте в форме **утверждений о фактах**.

5. В следующем коммуникативном блоке автор излагает свои **субъективные выводы** (маркер вывода *итога* в начале высказывания), основанные на содержании цитируемых и описанных в блоках 3 и 4 публикаций иных информационных ресурсов.

Итого: мы не знаем, что это было и чем болели наши дети и мы сами с ноября 2019-го. Может, действительно пневмонией, может, сначала ей, а потом нет – неизвестно, но исключать, что это был коронавирус нельзя. И если это действительно так и мы уже в большинстве переболели, то никаких глобальных вспышек эпидемии, тут, возможно, и не будет. И не только тут, сейчас схожие вопросы у жителей разных регионов РФ. Но не везде. Где-то есть, а где-то не было никаких вспышек пневмонии.

«Как такое вообще возможно?!» – воскликнет удивленный читатель. Ведь нет тяжелых форм, как было в Китае и сейчас в Италии, например, нет смертельных случаев. Уверены? Мы же прекрасно знаем, как у нас ведется статистика по смертям от наркотиков: там никакой патологоанатом никогда не ставит заключение «смерть от передозировки», даже если шприц из вены торчит, нет, они пишут «инсульт», «инфаркт», «нефрит» или что там у них еще есть, но не передоз. Главное не нарушать официальную статистику.

Здесь может быть то же самое: пишут что угодно, но не пневмонию. Какой-токой коронавирус? Его и сейчас никому не ставят в местных поликлиниках: ОРВИ или грипп. Ни анализов не берут, ни в карантин не отправляют. Это прямо сейчас, сегодня.

Поскольку содержание публикаций, на которые ссылается автор, в той части, на которую отсылается, подробно представлено в исследуемом тексте в предыдущем контексте (в коммуникативных блоках 3 и 4), читатель имеет возможность, основываясь на предоставленных автором сведениях о содержании публикаций иных информационных ресурсов, как согласиться с авторскими выводами и обобщениями, выражаемыми в данном коммуникативном блоке, так и сформировать собственное мнение, отличное от авторского, опирающееся на те же исходные данные. При такой структуре текста оснований приравнивать аналитические и обобщающие суждения автора к утверждениям о фактах не имеется.

С учетом изложенного, содержащиеся в данном коммуникативном блоке **сведения** представляют собой выражения **субъективного мнения автора**, отражающие не реальную действительность, но ее образ, сложившийся в сознании автора, а следовательно, **не могут быть проверены на соответствие действительности**.

6. В финальном коммуникативном блоке автор дважды подчеркивает, что изложенные в исследуемом тексте суждения представляют собой *версию* — ‘предположение о свойствах чего-л., о наличии связей между чем-л.; вариант трактовки, изложения чего-л.’.

Вот такая удивительная история и одновременно версия. А подтвердит ее или опровергнет время: если у нас тут будет вспышка коронавируса со средними показателями по заболеваемости как во всем мире (плюс-минус), то это значит, что версия несостоятельна, а если заметно ниже и мы тут победными темпами эпидемию поборем, то...

Это всего лишь версия, не тянущая пока на объективную реальность, поэтому берегите себя и близких, соблюдайте меры предосторожности и не болейте.

С учетом изложенного, содержащиеся в исследуемом тексте выводы (аналитические, обобщающие суждения) автора, которые, как показано выше, представляют собой выражение его субъективного мнения, относящиеся к главной и единственной теме публикации (о ситуации с заболеваемостью коронавирусом в Коломне), имеют в общем контексте исследуемого текста **предположительную форму**, не являются категоричными.

Автор подчеркивает, что судить о том, насколько высказанные им предположения близки к реальному положению дел, преждевременно, особо обращает внимание на возможность такого развития событий, которое полностью опровергнет описанную в исследуемом тексте версию и, соответственно, логику рассуждений автора, с помощью которой эта версия обосновывается, а читатель убеждается в ее истинности.

Поскольку речь идет об истинности или ложности сведений, выраженных в форме авторских субъективных выводов аналитического и обобщающего характера, основанных на представленных в тексте фактах, **оценка истинности предлагаемой автором вниманию читателя версии**, отражающей не реальную действительность, а ее образ, сложившийся в сознании автора и представленный читателю именно в качестве такового — в качестве авторских предположений, основанных на определенных фактах, описанных в публикациях иных Интернет-ресурсов, — **не может рассматриваться как проверка авторских предположительных суждений на соответствие действительности**.

3.2. Психологический анализ

Исходя из целей дополнительного экспертного исследования, для подготовки ответов на вопросы, поставленные перед специалистами, в рамках психологической части исследования требуется определить направленность текста, в связи с которым возбуждено и рассматривается дело об административном правонарушении № 5-261-79/2020 в отношении Егорова В.В. по ч.9 ст. 13.15 КоАП РФ.

Направленность текста может проявиться в результате действий конкретной личности (автора) по созданию этого текста и должна рассматриваться в неразрывной связи с психологической составляющей направленности как свойства личности. В психологии *направленность личности* определяют как систему устойчивых потребностей, интересов, идеалов (а также влечений, желаний, стремлений, склонностей, убеждений и т.д.). Направленность личности — это обусловленная системой побуждений субъективная совокупность мотивов, определяющая деятельность и поведение человека. Направленность текста отражает цель пишущего. Эта цель связана с процессом мотивации этого лица, его ценностными ориентациями и, что особенно важно, с намерениями этого лица, связанными с конкретным речевым актом — созданием текста. В рассматриваемом случае в тексте отразились желания и намерения автора что-то этим текстом прояснить, вызвать эмоциональную реакцию, привлечь внимание и побудить адресата задуматься о чём-то.

В любом действии человека (в частности, в речевом акте) есть реактивная и проактивная составляющие. Реактивная составляющая отражает пассивное реагирование на внешний стимул, человек действует без осознания своих собственных желаний и намерений, в определенной степени теряет свою субъектность. Его реактивное действие отвечает на вопрос «Почему?». Проактивная же схема действия, напротив, отражает целенаправленные намерения лица, отвечает на вопрос «Зачем?». Проактивная составляющая рассматриваемого речевого акта относится к предмету настоящего исследования, так как намерения и желания являются сущностным содержанием направленности текста. При проведении психологического исследования текстов для выявления явных, имплицитных и скрытых намерений применяется интент-анализ. В результате проведенного **интент-анализа** спорного текста были получены количественные данные, представленные в следующей таблице.

КАТЕГОРИЯ	КОД	% КОДОВ	КОЛИЧЕСТВО СЛОВ	% СЛОВ
АВТОР	САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ	—	—	—
	НЕЯВНАЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ	7,10%	17	2,50%
	САМООПРАВДЫВАНИЕ	—	—	—
	ОТВОД КРИТИКИ	—	—	—
	ПРЕЗЕНТАЦИЯ	—	—	—
	САМОКРИТИКА	—	—	—
	ОТВОД ОБВИНЕНИЙ	—	—	—
	САМООХРАНЕНИЕ (осторожность)	3,60%	100	15,00%
«ОНИ»	БЕЗЛИЧНОЕ ОБВИНЕНИЕ	—	—	—
	БЕЗЛИЧНОЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ	3,60%	137	20,50%
	ДИСКРЕДИТАЦИЯ	—	—	—
	КРИТИКА	3,60%	15	2,20%
	ОБВИНЕНИЕ	—	—	—
	ПРОТИВОСТОЯНИЕ	—	—	—
	РАЗМЕЖЕВАНИЕ	—	—	—
	РАЗОБЛАЧЕНИЕ	—	—	—
	УГРОЗА	—	—	—
АУДИТОРИЯ	КООПЕРАЦИЯ	3,60%	38	5,70%

КАТЕГОРИЯ	КОД	% КОДОВ	КОЛИЧЕСТВО СЛОВ	% СЛОВ
	ОТКАЗ	—	—	—
	ПОБУЖДЕНИЕ	5,40%	21	3,30%
	ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	—	—	—
	УСПОКОЕНИЕ АУДИТОРИИ	7,10%	73	10,90%
	УБЕЖДЕНИЕ АУДИТОРИИ	—	—	—
	ПРИВЛЕЧЕНИЕ ВНИМАНИЯ	17,90%	360	53,90%
	ВЫРАЖЕНИЕ БЛИЗОСТИ С АУДИТОРИЕЙ	7,10%	15	2,20%
СИТУАЦИЯ	АНАЛИЗ НЕЙТРАЛЬНЫЙ	7,10%	221	33,10%
	АНАЛИЗ НЕГАТИВНЫЙ	3,60%	18	2,70%
	АНАЛИЗ ПОЗИТИВНЫЙ	—	—	—
	ОЦЕНИВАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ	—	—	—
	ОЦЕНИВАНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ	—	—	—
	ВЫРАЖЕНИЕ НЕДОУМЕНИЯ И/ИЛИ СОМНЕНИЯ, ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ	17,90%	317	47,50%
	ИНФОРМАЦИЯ - ПРИВЕДЕНИЕ ТОЧНЫХ ДАННЫХ О ФАКТАХ, С УТВЕРЖДЕНИЕМ ОБ ИХ ДОСТОВЕРНОСТИ	—	—	—
	ИНФОРМИРОВАНИЕ БЕЗ ПРИВЕДЕНИЯ ТОЧНЫХ ДАННЫХ О ФАКТАХ, СУБЪЕКТИВНОЕ МНЕНИЕ	17,90%	203	30,40%

Представленные результаты интент-анализа показывают явное преобладание направленности текста как его интенциональной характеристики на:

- 17,90 %/53,90 % — *привлечение внимания* к ситуации с заболеваемостью;
- 17,90 %/47,50 % — *выражение недоумения и/или сомнения*, высказывание субъективных предположений о причине авторских сомнений;
- 17,90 %/30,40 % — *информирование* аудитории о своих наблюдениях и сомнениях без приведения точных данных о фактах, выражение субъективного мнения автора (желание им поделиться).

Заметную долю от общего объема текста занимают интенции *безличного разоблачения* (3,60 %/20,50 %) и *самоохранения/осторожности* (3,60 %/15,00 %), что можно интерпретировать следующим образом:

- высказывая сомнения в достоверности официальной статистики, автор реализует потребность в аффилиации (достижении близости с аудиторией за счет разделения чувства недоверия к официальной статистике);
- подчеркивая, что в тексте высказывается не фактическая информация, а авторская версия событий, автор предпринимает попытку предотвращения оценки его действий как распространения заведомо недостоверной информации под видом достоверных сообщений. Дополнительно для предотвращения подобной оценки автор проявляет самоиронию, называет свою версию конспирологической, что призвано снизить степень серьезности читателя по отношению к воспринимаемому тексту (заявленная презентация со-

общения как относящегося к области конспирологии и конспирологические теории как таковые априорно вызывают меньшее доверие к изложенным в тексте мнениям и суждениям);

- эмоциональное вовлечение аудитории происходит за счет того, что автор дает возможность для идентификации себя с читателями. Это подтверждается наличием в тексте равномерно по объему представленных интенций (направленности текста и направленности личности автора) *близость с аудиторией* (7,10 %) и *успокоение аудитории* (7,10 %).

Интенций, выявляющих направленность текста на создание видимости достоверности заведомо недостоверной информации, не обнаружено. Автор делится с аудиторией своими субъективными убеждениями и мнениями, не имея намерения кого-либо вводить в заблуждение о достоверном или недостоверном характере информации, содержащейся в тексте.

В следующей таблице представлены данные, полученные в результате проведенного **контент-анализа**.

КАТЕГОРИЯ	КОД	% КОДОВ	КОЛИЧЕСТВО СЛОВ	% СЛОВ
Сценарии	Конспирология	5,40%	273	43,10%
	Недоумение	3,60%	206	32,50%
Лексические единицы, названия ценностных общественно-значимых категорий	Коронавирус	7,10%	8	1,30%
	Пневмония	21,40%	27	4,30%
	Карантин	3,60%	18	2,80%
	Вирус	7,10%	6	0,90%
Проблемы, связанные с общественно-значимыми явлениями	Заблеваемость	5,40%	116	18,30%
	Отношение к официальной статистике	1,80%	86	13,60%
	Обеспокоенность недостаточностью информации	8,90%	270	42,70%
	Эпидемия	1,80%	3	0,50%
	Пандемия	—	—	—
Требования	Призывы к каким-либо действиям	—	—	—
Оценки (оценочные суждения)	Суждения о количестве чего-либо	5,40%	59	9,30%
	Негативные оценки ситуации	—	—	—
	Саркастические оценки ситуации	3,60%	155	24,50%
	Позитивные оценки ситуации	—	—	—
	Нейтральное субъективное мнение автора	1,80%	16	2,50%

КАТЕГОРИЯ	КОД	% КОДОВ	КОЛИЧЕСТВО СЛОВ	% СЛОВ
Референциальные единицы	Обозначения городов, населенных пунктов	8,90%	31	4,90%
	Обозначения реальных личностей	—	—	—
Констатация	Сообщение факта	1,80%	32	5,10%
	Высказывание мнения	7,10%	266	42,00%
Предложения автора	Убеждение аудитории в чём-либо	—	—	—
	Побуждение аудитории к чему-либо	5,40%	21	3,30%

Результаты контент-анализа не вступают в противоречие с описанными выше данными интент-анализа, в высокой степени согласуются с последними.

Из представленных в последней приведенной таблице данных следует, что автор обеспокоен получаемой им информацией о заболеваемости в регионе, обеспокоен недостаточностью официальной информации, в связи с каковой недостаточностью выражает недоумение, сомнения и тревогу. В тексте имплицитно присутствуют признаки проявления его субъективных *психологических защит* (неосознаваемых адаптационных защитных механизмов психики, включающихся тогда, когда поступающая из разных источников информация об окружающей действительности противоречива и это обстоятельство вызывает эмоциональное напряжение). Таким образом, более вероятно, что автор не имеет намерения нагнетать эмоциональное напряжение читателей, а снижает уровень своего психоэмоционального напряжения, делясь своими сомнениями с аудиторией. Сильный эмоциональный отклик, полученный в результате публикаций, также мог требоваться автору для решения своих потребностей в близости, признании и успокоении.

В тексте обнаружены в значительном объеме единицы анализа категории «сценарии»: «конспирология» — 43,10 % слов и «недоумение» — 32,50 % слов. Рассматривая в тексте конспирологическую версию развития событий и выражая недоумение в связи с несоответствием официальной статистики собственным наблюдениям и предположениям автора, он одновременно снижает собственное напряжение и вызывает интерес читателей к своей личности, как уже было сказано выше, для удовлетворения своей потребности в аффилиации.

Если на имплицитном уровне автор мог не в полной мере осознавать, какими потребностями вызвано желание написать и опубликовать рассматриваемый текст, то на осознаваемом уровне автор определенно убежден, что действует на благо читателей. Он говорит о том, что им высказывается версия *«...не тянущая пока на объективную реальность, поэтому берегите себя и близких, соблюдайте меры предосторожности и не бойтесь»*.

Количественные данные, полученные в результате проведенных контент-анализа и интент-анализа, были использованы при производстве **мотивационного анализа**, который подтвердил, что ведущим мотивом автора текста был **мотив аффилиации**.

Перед экспертами Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой был поставлен ряд вопросов, связанных с различными приемами психологического воздействия, с манипулятивными приемами, а именно:

- № 6. Используются ли в публикации манипулятивные приемы, направленные на создание достоверности указанной информации?
- № 7. Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на формирование чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха?
- № 8. Используются ли в тексте приемы, направленные на нагнетание эмоционального напряжения читателей?

В выводах заключения экспертов ООО «Лагуна-100» Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой б/н от 28.06.2019 эксперт Р. В. Ершова упоминает о приемах воздействия и манипулятивных приемах, содержащихся в спорном тексте, однако в исследовательской части указанного заключения экспертов сведений о разграничении разных стилей и приемов психологического влияния, в частности, описания признаков манипуляции, не имеется. Специалист-психолог полагает необходимым привести следующие сведения, относящиеся к разряду общепризнанных научных данных **о психологическом явлении манипуляции**.

В психологической науке под манипуляцией понимается один из видов психологического воздействия, используемый для достижения односторонней выгоды для того, кто применяет манипулятивный прием. Манипулятивное психологическое воздействие, как правило, характеризуется скрытностью намерений манипулятора, оно направлено на использование другого человека (людей) как средства достижения манипулятором собственных целей, не разделяемых теми, на кого это воздействие направлено. Такое целенаправленное скрытое воздействие осуществляется с опорой на стереотипы и автоматизмы, с помощью опосредованного давления. Наиболее частые способы такого воздействия — провокация, обман, интрига, намек. С помощью манипулятивных приемов манипулятор добивается от того, на кого это воздействие направлено, желаемого для себя поведения (действий или бездействия). Манипулятивному психологическому воздействию свойственно стремление манипулятора неявно, тайно подчинить объект манипулирования своей воле (получить выгодный только манипулятору результат).

Существуют вполне определенные объективные признаки, позволяющие распознавать манипуляцию, поскольку обязательными ее составляющими являются:

- стремление овладеть волей партнера;
- обман, лицемерие в поведении манипулятора;
- сокрытие, маскировка подлинной цели манипулятора;
- побуждение не к объединению, а к разъединению (разъединению).

Понятие *приём* связано с обязательной осознаваемостью совершения манипулятором манипулятивного воздействия.

Принципиальное отличие манипулятивного воздействия, осуществляемого с помощью соответствующих приёмов, от личного влияния состоит в искренности, в открытости чувств, эмоций, намерений и мотивов человека, оказывающего неманипулятивное личное влияние, а также в том, что в акте психологического неманипулятивного влияния подразумевается наличие собственной доброй воли и личных интересов взаимодействующих людей. Средства психологического воздействия (особенно манипулятивного) требуют активных осознанных действий, приложения целенаправленных усилий со стороны лица, осуществляющего такое воздействие. Но, в отличие от человека, осознающего свое личное влияние и действующего в пределах нравственных и социальных норм взаимодействия, манипулятор стремится утаить свои подлинные намерения, переложить ответственность за принятие выгодного манипулятору решения и совершаемые во исполнение этого решения действия (провоцируемые манипулятором) на жертву манипуляции. Это обстоятельство является нравственной категорией, отграничивающей манипулятивное коммуникационное воздействие от других видов психологического влияния, оно законо-

мерно вызывает к манипуляции как таковой негативное отношение. Манипуляция имеет вид *субъект-объектного* взаимодействия, когда взаимодействие с партнером или с аудиторией происходит по принципу *влияния субъекта действия на объект воздействия*, формируется отношение к партнеру по коммуникации как к «вещи особого рода». Интересы и намерения партнера по коммуникативному акту манипулятором игнорируются. Этот принцип проявляется как при непосредственном манипулировании людьми в ходе личного общения, так и при манипулировании «общественным сознанием» (в политике или в рекламных актах коммуникации, например).

При подготовке заключения экспертов ООО «Лагуна-100» Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой б/н от 28.06.2019 эксперт-психолог Р. В. Ершова в процессе проведения исследования использовала **метод анкетирования**. Эксперт справедливо указывает, что этот метод в психологии «используется с целью получения психологической информации», «анкетирование проводится в основном в случаях, когда необходимо выяснить мнения людей по каким-то вопросам и охватить большое число людей за короткий срок».

Анкетирование — широко распространенный метод сбора различной социальной информации. В современных социально-психологических и социологических исследованиях анкета представляет собой перечень вопросов и ответов, составленных в соответствии с разработанной исследовательской программой. Преимуществами этого метода являются оперативность получения информации, массовость обследования, относительная простота подготовки, обработки и проведения исследования. Вместе с тем этот метод недостаточно гибок и недостаточно объективен (в особенности при небольшом объеме выборки), поскольку исследователь не имеет прямых контактов с респондентами. Высокая вероятность получения от респондентов *социально желательных* ответов снижает достоверность и объективность полученных данных.

Анкетирование дает возможность за сравнительно короткий срок опросить значительное количество людей, что особенно важно при оперативном изучении общественного мнения и различных социальных процессов, позволяет с наименьшими затратами получить высокий уровень массовости исследования. Из всех методов опроса анкета — наиболее структурированный и формализованный метод получения информации со слов опрашиваемых.

Возможность применения этого метода в судебно-экспертной деятельности сомнительна. Данные, получаемые при анкетировании, всегда основаны на самонаблюдении респондентов, зависят от их искренности, настроения и других характеристик. В данном конкретном случае выбор этого метода представляется особенно сомнительным экспертным ходом, поскольку полученные при анкетировании, проведенном Р. В. Ершовой, данные не могут отражать объективную реальность. Выявление с помощью анкетного опроса общественного мнения фактов, имеющих значение для рассматриваемого судом дела об административном правонарушении, представляется недопустимым с научной точки зрения, так как в распоряжение эксперта при анкетировании поступает лишь информация о субъективном восприятии какого либо факта некоторой группой лиц и об их субъективном представлении о смысле текста.

Более того, при применении Р. В. Ершовой метода анкетирования были допущены серьезные методологические нарушения, касающиеся выборки и структуры вопросов анкеты.

Так, в заключении экспертов указано, что «в анкетировании приняло участие 12 человек, возраст респондентов 19-51год, средний возраст 30,75 лет, 5 мужчин, 7 женщин, жители Москвы и Московского региона. Анкетирование проводилось в формате онлайн,

приглашение принять участие в опросе общественного мнения было разослано по электронной почте на 20 адресов, анкета была создана с использованием Google Forms».

Выборкой называется некоторая часть генеральной совокупности, то, что непосредственно изучается. Репрезентативной является выборка, адекватно отображающая генеральную совокупность в качественном и количественном отношении. Если выборка не является репрезентативной, результаты не совпадут с целями исследования. Репрезентативность выборки зависит от объема: чем больше объем, тем репрезентативней выборка. Обязательным условием построения репрезентативной выборки является равная вероятность включения в нее каждого элемента генеральной совокупности.

Для определения необходимой численности выборки исследователь должен задать уровень точности выборочной совокупности с определенной вероятностью. Эта вероятность $\gamma = \Phi(t)$ позволяет с помощью таблиц найти соответствующее ей значение коэффициента доверия t , используемого в формулах. Величина, которую не должна превосходить средняя ошибка выборки, — это заранее известная предельная ошибка выборки, обозначаемая Δ . Необходимый объем выборки (при бесповторной выборке) определяется по следующей формуле:

$$n = \frac{t^2 \sigma^2 N}{\Delta^2 N + t^2 \sigma^2}$$

Как нетрудно видеть, размер выборки требуется рассчитывать по соответствующей формуле, которая в данном случае не применялась экспертом. Следовательно, выборка, использованная при проведении экспертом психологом Р. В. Ершовой анкетирования, не может быть признана репрезентативной, в полученные в результате анкетирования данные не являются валидными, поскольку:

- не обеспечена рандомизированность выборки (не указано, по какому принципу отбирались адресаты, которым рассылались анкеты по электронной почте);
- количество полученных заполненных и обработанных анкет (12) не является статистически значимым для достоверности полученной информации. Для исследования, проводимого среди жителей Москвы и Московской области, исходя из численности указанной генеральной совокупности, требовалось не менее 380 обработанных анкет.

Нарушены также требования к формулированию вопросов анкет. В частности, в анкете не должно быть вопросов, имеющих неточный смысл, вопросы не должны требовать дополнительных пояснений, вопросы не должны носить внушающего характера, анкета не должна содержать эмоциональных вопросов.

Однако в разработанной экспертом Р.В. Ершовой анкете участникам опроса был предложен носящий внушающий характер вопрос № 2. Вопрос изложен в такой форме, что подразумевает безусловное наличие в тексте призыва, и опрашиваемому остается лишь выбрать, к чему именно призывает текст. Этот вопрос анкеты выглядит следующим образом:

2. К чему призывает прочитанный вами текст?

- *Сидеть дома*
- *Задуматься о причинах пандемии*
- *Не воспринимать коронавирус всерьез*
- *Нарушать режим самоизоляции*
- *Принять мысль о том, что многие переболели коронавирусом*
- *Призывы отсутствуют*

Вариант *«призывы отсутствуют»* помещен составителем анкеты в конце списка, *психологически незаметен*, на отвечающего влияет информация о возможных вариантах интерпретации содержания текста. Более того, этот вариант ответа противоречит по своей сути вопросу, имплицитно подразумевающему, что текст определенно к чему-то призывает. Респонденты выбирали из навязанного контекста, что является серьезным нарушением правил проведения исследований методом анкетирования.

Содержащийся в анкете вопрос № 1 (об эмоциях) также составлен некорректно (респонденту навязывается негативное отношение к тексту). При дистантном изучении эмоционального отношения респондента невозможно учесть ни ложь отвечающего, ни его субъективное самочувствие, ни прочие важные факторы.

Вопрос № 3 сформулирован следующим образом: *«Насколько убедительным является прочитанный вами текст?»* — и респондентам предложены следующие варианты ответов:

- *совсем неубедительным;*
- *скорее неубедительным*
- *скорее убедительным*
- *достаточно убедительным*
- *высоко убедительным*
- *бесспорно убедительным.*

Составителем анкеты вновь оказываются нарушенными правила проведения анкетирования и требования, предъявляемые к разработке анкеты. Вопрос требует дополнительных пояснений, так как не указано, в чем именно убедительным должен казаться текст.

Кроме того, то, что респондентам *«кажется»* или *«представляется»* (а только такое субъективное отношение действительно можно выявить с помощью анкетирования), не эквивалентно понятию *«является»*, не отражает реальность, не может иметь никакого научно доказательного значения.

Таким образом, требование валидности применяемых методов научного исследования при проведении анкетирования не соблюдено. Информация, полученная таким образом, не может быть признана полноценной. Выводы, сделанные на основе обработки полученных экспертом данных, не соответствуют критериям научной достоверности. При этом эксперт Р. В. Ершова, отвечая на вопросы, поставленные перед экспертом, а также при формулировании выводов ссылается на данные, полученные при анкетировании неоднократно (при ответах на вопросы № 5, № 6, № 7 и № 8). Признаков использования экспертом других методов научного социально-психологического исследования, направленных на определение характеристик изучаемого ею текста, в исследовательской части заключения экспертов не обнаружено.

Перед экспертами ООО «Лагуна-100» Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой был поставлен вопрос № 5 *«Содержатся ли в тексте какие-либо призывы? Если да, то кому адресованы эти призывы и к чему они призывают?»*. Согласно выводу эксперта Р. В. Ершовой по этому вопросу, в тексте отсутствуют какие-либо прямые призывы, однако эксперт при этом указывает, что *«часть анкетированных экспертом респондентов расценила текст как призывы различного содержания»*.

Таким образом, эксперт:

- утверждает, что методами научного исследования (в частности, методами психолингвистического анализа, входящими в совокупность аналитических методов психологической интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности людей, осуществляемой в

конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях), **призывы выявлены не были**;

- пишет, что в ходе анкетирования были получены определенные результаты, на основании которых эксперт посчитала допустимым расценить субъективную оценку текста респондентами как подтверждение наличия в тексте призывов (к чему-либо).

Однако, как показано выше, субъективное восприятие текста участниками опроса не имеет доказательственного научного значения. Кроме того, участникам опроса был предложен вопрос в такой форме, что он подразумевает обязательное наличие в тексте призыва. Опрашиваемому оставалось лишь выбрать, к чему именно призывает текст. Вариант *«призывы отсутствуют»* помещен составителем анкеты в конец списка, *психологически незаметен*.

На респондента влияет информация, содержащаяся в расположенных выше вариантах ответов. При прочтении списка вариантов возможной интерпретации текста у отвечающего с высокой вероятностью может сформироваться впечатление, что какие-то призывы в тексте есть, хоть это и не соответствует действительности

Более того, вариант ответа *«призывы отсутствуют»* противоречит по своей сути вопросу, имплицитно подразумевающему, что текст к чему-то *«призывает»*, и это тоже вводит отвечающего в заблуждение. Респонденты выбирали из навязанного внушающим вопросом контекста, что является серьезным нарушением правил проведения исследований методом анкетирования.

Эксперт Р.В. Ершова указывает, что «41% анкетированных расценили текст как призыв задуматься о причинах пандемии, 33% - как призыв сидеть дома; 17% - как призыв принять мысль о том, что многие уже переболели коронавирусом; 8% - как призыв не относиться серьезно к коронавирусу». Приведенные данные кажутся значимыми, если забыть о том, что выборку составило всего 12 человек. Эта выборка не является репрезентативной. Ответы респондентов отражают не объективную реальность, а субъективное восприятие текста двенадцатью конкретными людьми, физическое и психическое состояние, настроение, склонность которых говорить правду или лгать не могут быть известны исследователю.

Данные, полученные в результате исследования, проведенного методом анкетирования в том виде, в котором оно представлено в ответе эксперта Р. В. Ершовой на поставленный перед экспертами вопрос № 5 и в выводе № 5, не могут быть признаны валидными. Полученная информация отражает исключительно субъективное восприятие малочисленной группой людей субъективных же предположений автора текста. При отсутствии научного подтверждения с помощью апробированных верифицируемых методик наличия в спорном тексте призывов того или иного содержания факт подобного восприятия текста как информационного объекта, содержащего призывы, не может иметь научного значения и не может быть положен в основу научно обоснованных выводов, в том числе в судебно-экспертной деятельности как сфере прикладного применения психологических знаний.

Отсутствие в тексте выраженных в объективно установленной форме призывов действительно является установленным фактом. Информация о том, что 12 респондентов, выбиравших варианты ответа на некорректно составленный вопрос, навязывающий респондентам убеждение в наличии призывов, никоим образом не может быть соотнесена с этим фактом. Эта информация, полученная в результате проведенного с грубыми нарушениями анкетирования, не имеет научного доказательного значения.

Согласно выводу эксперта Р. В. Ершовой по поставленному перед экспертами вопросу «Используются ли в публикации манипулятивные приемы, направленные на созда-

ние достоверности указанной информации?», в публикации используется ряд приемов убеждающей коммуникации.

При формулировании ответов на поставленные перед экспертами вопросы эксперт Р. В. Ершова справедливо отметила имеющиеся в приведенных ею фрагментах признаки убеждающей коммуникации. Однако приемы убеждающей коммуникации как таковые не могут и не должны автоматически признаваться манипулятивными приемами, поскольку, как показано выше, в спорном тексте не имеется признаков того, что автор текста В. В. Егоров преследовал какую-либо цель, кроме желания:

- информировать своих читателей о своем отношении к вопросам заболеваемости в регионе;
- высказать свои предположения о возможных версиях, объясняющих, по его субъективному мнению, наблюдаемую им ситуацию;
- привлечь внимание читателей к недостаточности информации по этим вопросам.

Обязательные признаки манипулирования и какая-либо манипулятивная коммуникативная цель автора в приведенных фрагментах ни специалистами, проводящими настоящее исследование, ни экспертами не выявлены. Более высока вероятность того, что наличествующие в рассматриваемом тексте (в процитированных экспертом фрагментах) признаки убеждающей коммуникации связаны с реализацией потребности автора в аффилиации (единении с аудиторией), потребности быть услышанным, потребности поделиться своими предположениями, своим субъективным мнением. Убедительность обращения не направлена на внушение аудитории уверенности в достоверности сообщаемой информации (достоверности фактов), так как собственно фактической информации от своего лица автор аудитории не сообщает. Его текст (за исключением изложения содержания и прямого цитирования публикаций иных информационных ресурсов) не содержит упоминаний о фактах, содержит лишь субъективные суждения автора, в ряде случаев высказанные в саркастической или ироничной форме, а также выражение недоумения и личной обеспокоенности.

На основании данных, полученных в результате проведенного контент-анализа публикации В. В. Егорова, выявлено, что основной объем текста относится к следующим единицам анализа «сценарии»: «конспирология» (43,10 %) и «недоумение» (32,50 %), как указывалось выше, при описании направленности текста.

Кодировка для определения количественного соотношения отражения в тексте единиц анализа проблем, связанных с общественно-значимыми явлениями, позволила выявить следующее соотношение: преобладают категории «отношение к официальной статистике» (13,60 %) и «обеспокоенность недостаточностью информации» (42,70 %).

Как видно из проведенного специалистом-психологом интент-анализа спорного текста, основной интенциональной направленностью текста является выражение недоумения и привлечение внимания аудитории к недостаточности официальной информации, которая необходима (по мнению автора) для успокоения аудитории. Размышляя и высказывая свою версию наблюдаемой им ситуации, автор делится с аудиторией своими сомнениями и оценочными суждениями. Преобладающими интенциями рассматриваемого спорного текста являются выражение недоумения и (или) сомнения, предположения (17,90 % кодов, 47,50 % слов) и информирование без приведения точных данных о фактах, выражение субъективного мнения (17,90 % кодов, 30,40 % слов). Приведения точных данных о фактах с утверждениями об их достоверности в рассматриваемом спорном тексте не обнаружено.

Эксперт Р. В. Ершова в выводе по поставленному перед экспертами вопросу № 6 определяет (заметим, формулировка вывода звучит более категорично, чем формулировка

ответа на данный вопрос в исследовательской части заключения экспертов) выявленные ею приемы убеждающей коммуникации как манипулятивные приёмы (хотя в исследовательской части ничем не обосновывает их именно манипулятивный характер), направленные «на снижение убежденности слушателя в объективности, истинности официальной информации».

Однако направленность текста на «снижение убежденности слушателя в объективности, истинности официальной информации» никоим образом не может свидетельствовать о том, что спорный текст содержит «манипулятивные приемы, направленные на создание достоверности» той информации, которая сообщается в тексте. Эти явления вообще не связаны между собой.

О какой-либо корреляции между убеждающим характером коммуникативного воздействия и достоверностью либо недостоверностью изложенных сведений, мнений, оценочных суждений эксперт не упоминает. Таким образом, эксперт не дает достаточного полного и ясного ответа на поставленный перед экспертами вопрос № 6.

Вместе с тем на данный вопрос следовало бы дать отрицательный ответ, так как связь между проявленными в тексте манипулятивным стилем коммуникации и приемами убеждающей коммуникации, с одной стороны, и достоверностью изложенной информации, с другой стороны, отсутствует. В межличностных актах коммуникации (в том числе осуществляемых в СМИ и в сети Интернет) есть объективно существующая возможность неубедительно и неманипулятивно высказывать, преподносить недостоверную информацию, есть и объективно существующая возможность убежденно и убедительно сообщать информацию достоверную.

В исследуемом тексте не выявлено признаков того, что автор убеждает аудиторию поверить в какую-либо недостоверную информацию фактического типа, автор также не призывает читателей к этому. Коммуникативная цель и коммуникативная направленность авторского текста, намерения автора состоят в том, чтобы привлечь внимание к своей субъективной «конспирологической» версии реальности. Косвенно это подтверждается также объяснениями В. В. Егорова от 23.03.2020 и от 15.04.2020, в которых он разъясняет свои субъективные намерения при создании рассматриваемой публикации.

Выявленный экспертом Р. В. Ершовой несомненный речевой факт использования в спорном тексте приемов убеждающей коммуникации не оказывает и не может оказать влияние на квалификацию выраженной в тексте информации как достоверной либо недостоверной.

Формулируя ответы и выводы по поставленным перед экспертами вопросам № 1 и № 2, эксперт Р. В. Ершова вполне справедливо определяет исследуемый текст, как «субъективные предположения автора». Отвечая на вопрос № 2, эксперт также высказывает справедливое суждение о том, что текст содержит «личное мнение и убеждения автора». Таким образом, можно констатировать противоречие между выводами эксперта Р. В. Ершовой по вопросам № 1, № 2, с одной стороны, и ее выводом по вопросу № 6, с другой стороны. Действительно, текст с большей вероятностью воспринимается как позиция автора, а не как совокупность неких фактических данных. Создать впечатление о достоверности субъективного личного мнения и субъективного убеждения любого автора любого текста в принципе невозможно даже с помощью манипулятивных приёмов и других способов психологического воздействия: субъективные мнения и убеждения не подлежат оценке по параметру достоверности, поскольку не являются объективными фактическими сведениями, которые могли бы быть проверены на соответствие действительности, по определению.

В исследовательской части заключения в части, относящейся к обоснованию выводов эксперта Р. В. Ершовой по поставленным перед экспертами вопросам «Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на формирование чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха?» и «Используются ли в тексте приемы, направленные на нагнетание эмоционального напряжения читателя?», эксперт указывает следующие два примера, которые она рассматривает в качестве примеров «употребления в тексте конкретных и образных ключевых слов, что существенно влияет на эмоциональную сторону восприятия текста и повышает его внушающее воздействие»:

- «детские больницы битком набиты пациентами с пневмонией так, что некуда укладывать»;
- «взрослые – через одного с температурой и кашлем».

В обоснование выводов по указанным вопросам эксперт ссылается также на то, что «в тексте использован прием сверхобобщения: «Коломна с декабря, а то и раньше, повально болеет коронавирусом», «болели практически все знакомые и родственники. Болели долго и сильно, некоторые по несколько раз подряд». «Какой-то такой коронавирус? Его и сейчас никому не ставят в местных поликлиниках». Описывая значимость выявленного в исследуемом тексте приема сверхобобщения, Р. В. Ершова утверждает, что «Из психотерапевтической практики известно, что сверхобобщение, как привычка мышления, лежит в основе формирования страхов, фобий, панических расстройств».

Иных суждений в обоснование выводов по указанным вопросам эксперт не приводит.

Описанное положение дел свидетельствует о том, что в тексте заключения экспертов отсутствует описание полноценного психологического исследования: фактически эксперт Р. В. Ершова ограничивается интерпертацией приведенных выше фрагментов спорного текста как содержащего «прием убеждения» и «прием сверхобобщения», причем термин *прием сверхобобщения* экспертом применен некорректно, так как данное понятие относится не к сфере психологического воздействия (манипулирования), а к сфере терапии когнитивных искажений, то есть нарушений мышления.

Эксперт не описывает каких-либо речевых фактов, которые могли бы рассматриваться в качестве научно обоснованного подтверждения тезиса о присутствии в спорном тексте приемов, осознанно направленных автором исследуемого текста на формирование чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха и на нагнетание эмоционального напряжения читателя. Вопросы коммуникативной направленности текста (интенциональные характеристики) экспертом вообще не рассматриваются. Какие-либо методы, предназначенные для выявления интенций спорного текста, экспертом не применяются. Можно констатировать, что экспертом не были получены какие-либо научные данные и не были установлены факты, на которых основаны рассматриваемые выводы.

Единственным фактом, положенным экспертом в основание вывода о том, что в тексте имеются приемы, направленные на «формирование чувства страха, беспокойства, тревоги, беспомощности, эмоционального напряжения», является статистика, полученная в результате применения метода анкетирования.

Однако, как показано выше, метод анкетирования применялся экспертом с серьезными методологическими нарушениями, касающимися как выборки, так и структуры вопросов анкеты. Так, содержащийся в анкете вопрос № 1 сформулирован некорректно (респонденту навязывается негативное отношение к тексту). Вопрос № 1 в анкете имеет следующий вид:

1. Какие эмоции вызывает у вас предложенный текст?
  - Тревога
  - Страх

- Обеспокоенность
- Паника
- Безразличие
- Беспомощность
- Напряжение
- Скука
- Оптимизм
- Легкость
- Другое

Нетрудно видеть, что в перечне предлагаемых респонденту вариантов ответа преобладают негативные характеристики эмоциональных состояний (*тревога, страх, обеспокоенность, паника, беспомощность, напряжение*), что само по себе имплицитно влияет на настроение заполняющего анкету респондента. Включенные в перечень вариантов стимульные слова *оптимизм* и *легкость* резко контрастируют с контекстом. Учитывая тему публикации (обеспокоенность ситуацией с заболеваемостью) и принимая во внимание общее эмоциональное отношение населения к теме коронавируса, сложно предположить, что респонденты, находящиеся в здравом уме, могут испытывать чувство легкости, знакомясь с чьим-либо мнением о заболевании пневмонией.

При дистантном изучении эмоционального отношения респондента невозможно учесть ни возможную ложь респондента, ни его субъективное самочувствие, ни иные подобные важные факторы.

Приведенные в ответе эксперта статистические данные, сопровождаемые круговыми диаграммами, кажутся значимыми. Но выборку составило всего 12 человек. Настолько немногочисленная выборка не является репрезентативной. Даже для эмпирического студенческого исследования в психологии обычно требуется не менее 30 респондентов, а при проведении научного исследования с помощью опроса объем выборки должен зависеть от размера генеральной совокупности. При формировании выборки не был соблюден принцип рандомизированности (неизвестно, по какому принципу направлялись анкеты по электронной почте, действительно ли исследование в форме опроса было анонимным и т. д.). Ответы респондентов отражают не объективную реальность, а субъективное восприятие текста двенадцатью людьми, физическое и психическое состояние, настроение, склонность которых говорить правду или лгать, а также иные факторы, влияющие на валидность исследования, не могут быть известны исследователю.

Как уже упоминалось, возможность применения метода анкетирования как валидного метода судебно-экспертного исследования в целом сомнительна. Данные, получаемые при применении этого метода, всегда основаны на самонаблюдении респондентов, зависят от их искренности, настроения и других характеристик. Анкетирование пригодно для научного исследования существующих в обществе тенденций, представлений референтной группы о чём-либо. Но выявление с помощью анкетного опроса общественного мнения фактов, имеющих значение для рассматриваемого судом дела об административном правонарушении, представляется недопустимым с научной точки зрения. В распоряжение эксперта при анкетировании поступает лишь информация о субъективном восприятии того или иного объекта (в данном случае — текста как информационного объекта) некоторой группой лиц и об их субъективном представлении «о смысле текста», которая не является отражением объективной картины реальной действительности, не будучи информацией об объективно присущих тексту (выявляемых объективными методами) его свойствах.

Эксперт Р. В. Ершова не приводит дополнительно каких-либо иных фактов или данных, касающихся возможного воздействия текста на эмоциональное состояние ауди-

тории. Способы влияния текста на эмоциональное состояние аудитории экспертом изучались недостаточно полно. Следует также отметить, что эксперт не учитывает то обстоятельство, что субъективное восприятие спорного текста немногочисленной группой испытуемых не имеет и не может иметь корреляции с направленностью текста и намерениями, желаниями, целями автора.

Как фрагменты спорного текста, приведенные экспертом Р. В. Ершовой в обоснование выводов по вопросам «Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на формирование чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха?» и «Используются ли в тексте приемы, направленные на нагнетание эмоционального напряжения читателя?», так и практически весь объем спорного текста, за исключением незначительного количества ссылок автора на информацию, полученную из источников, являющихся средствами массовой информации, состоит из высказываний, которые имеют характер предположений, которыми автор делится с аудиторией.

В психологической части исследования экспертов ООО «Лагуна -100» не отражено следующее важное обстоятельство: восприятие текста аудиторией само по себе всегда связано с субъективными установками, особенностями восприятия и субъективным опытом и представлениями лиц, читающих данный текст. Недопустимо судить о суггестивных свойствах текста, основываясь только на вероятном восприятии его кем-либо.

Как было показано выше, фрагменты текста, которые, по мнению эксперта Р. В. Ершовой, могут вызвать эмоциональное напряжение и чувства негативной модальности у читателей, в действительности являются:

- выражением субъективных предположений автора,
- выражением его субъективного мнения,
- выражением его оценочных суждений, в том числе и в саркастической форме.

4. Синтезирующая часть

Проведенное исследование показало следующее.

1. Исходя из норм и правил современного русского языка как государственного языка Российской Федерации, словосочетание «недостоверная информация» выражает буквальный смысл ‘информация, вызывающая сомнения в том, что она соответствует действительности’.

2. Исходя из норм и правил современного русского языка как государственного языка Российской Федерации, словосочетание «распространение заведомо недостоверной информации под видом достоверных сообщений», использованное законодателем в диспозиции ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, выражает буквальный смысл ‘такое распространение информации, вызывающей у говорящего сомнения в том, что она соответствует действительности, при котором говорящий выдает ее за информацию, определенно соответствующую действительности’.

3. Как показано в подразделах 1.3.2 и 1.3.3 настоящего заключения, исходя из норм и правил современного русского языка как государственного языка Российской Федерации, словосочетание *распространение заведомо недостоверной информации под видом достоверных сообщений* является осмысленным лишь при условии его использования для обозначения акта распространения сведений, выраженных в форме утверждения о фактах, но не в какой-либо из форм выражения мнения (в форме предположения, сомнения, оценочного суждения и т. п.).

Следовательно, в качестве заведомо недостоверной информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, могут рассматриваться лишь сведения, выраженные в форме утверждений о фактах.

Как показано в подразделе 3.1 настоящего заключения, исследуемый текст содержит следующую выраженную в форме утверждений о фактах информацию:

- информацию, описывающую личный опыт автора, о содержании его беседы с педиатром («нам наш педиатр честно сказала: направление дам, но вас не положат, там некуда»);
- информацию о содержании комментариев заведующего инфекционным детским отделением некоего коломенского лечебного учреждения и начальника городского управления «Роспотребнадзора», данных журналистам портала kolomna-spravka.ru и опубликованных на указанном портале («говорили, что да, есть «внебольничная пневмония», но это сезонный вирус, хоть и гораздо мощнее, чем обычно, протекает, а дальше будет грипп, который может вызвать новую волну»);
- информацию о сравнительном количестве случаев заболевания пневмонией в Коломне в аналогичные периоды 2019 и 2020 года («Всего в 2019-м переболело пневмонией 842 коломенца (в 1,7 раза больше, чем в прошлом году), из них детей – 542 (в 3,8 раза больше)»);
- информацию о том, что указанные количественные данные были опубликованы на портале kolomna-spravka.ru;
- информацию о фактах множественных закрытий в ноябре 2019 г. школ с объявлением карантина во Владимирской, Нижегородской, Оренбургской и Тюменской областях, Ульяновске, Красноярске, Челябинске, Ростове-на-Дону;
- информацию о фактах множественных закрытий в декабре 2019 г. школ в Московской области, в том числе в городском округе Коломна;
- информацию о том, что указанные сведения о закрытии школ были опубликованы на портале svpressa.ru.
- информацию о дословном содержании выраженных в предположительной форме субъективных аналитических суждений не называемых в исследуемом тексте экспертов, опубликованных на портале svpressa.ru, а именно: «эксперты поясняют, что вирусная пневмония «может быть вызвана непосредственно коронавирусом. Также она может проявиться как осложнение после перенесенной вирусной инфекции... .. чаще все же пневмония является осложнением ОРВИ.»

В случае, если какие-либо из описанных утверждений о фактах не соответствуют действительности:

- если в действительности педиатр в личной беседе с автором в связи с болезнью его ребенка или детей не говорила, что она может выписать направление на госпитализацию, но ребенка или детей автора не госпитализируют в связи с отсутствием свободных койкомест в больнице;
- если в действительности на портале kolomna-spravka.ru не были опубликованы комментарии заведующего инфекционным детским отделением некоего коломенского лечебного учреждения и начальника городского управления «Роспотребнадзора», соответствующие следующему описанию: «говорили, что да, есть «внебольничная пневмония», но это сезонный вирус, хоть и гораздо мощнее, чем обычно, протекает, а дальше будет грипп, который может вызвать новую волну»;

- если в действительности на портале kolomna-spravka.ru не были опубликованы данные о сравнительном количестве случаев заболевания пневмонией в Коломне в аналогичные периоды 2019 и 2020 года следующего содержания: «Всего в 2019-м переболело пневмонией 842 коломенца (в 1,7 раза больше, чем в прошлом году), из них детей – 542 (в 3,8 раза больше)»;
- если в действительности на портале svpressa.ru не были опубликованы сведения о множественных закрытиях в ноябре 2019 г. школ с объявлением карантина во Владимирской, Нижегородской, Оренбургской и Тюменской областях, Ульяновске, Красноярске, Челябинске, Ростове-на-Дону;
- если в действительности на портале svpressa.ru не были опубликованы сведения о множественных закрытиях в декабре 2019 г. школ в Московской области, в том числе в городском округе Коломна;
- если в действительности на портале svpressa.ru не были опубликованы выраженные в предположительной форме субъективные аналитические суждения не называемых в исследуемом тексте экспертов, соответствующие следующему описанию: «эксперты поясняют, что вирусная пневмония «может быть вызвана непосредственно коронавирусом. Также она может проявиться как осложнение после перенесенной вирусной инфекции... чаще все же пневмония является осложнением ОРВИ.» —

указанные утверждения о фактах **могут рассматриваться как заведомо недостоверная информация, распространяемая под видом достоверных сообщений.**

Иная содержащаяся в спорном тексте информация имеет различные формы выражения авторского субъективного мнения, отражая не реальную действительность, но ее образ, сложившийся в сознании автора, и будучи представленной читателю именно в качестве такового, — в частности, в качестве авторских предположений, основанных на представленных выше фактах, описанных в публикациях иных Интернет-ресурсов.

Информация, выраженная в формах мнения, не может быть проверена на соответствие действительности.

4. Согласно выводу эксперта Л. Н. Костяковой по поставленному перед экспертами вопросу «Высказывает ли автор текста личное субъективное мнение и личное убеждение автора?», в исследуемом экспертами тексте автор в некоторых случаях опирается на конкретные данные, которые приводятся в средствах массовой информации, в других же случаях при приведении данных конкретных указаний на источники информации нет, поэтому невозможно указать, личное ли это мнение автора или оно заимствовано из определенного, но не указанного им источника.

Как показано в подразделе 1.3.3 настоящего заключения, тот факт, что сообщаемые в тексте сведения заимствованы из каких-либо источников, на квалификацию этих сведений как выраженных в форме мнения не влияет. Информация в форме мнения не может быть проверена на соответствие действительности и, соответственно, не может рассматриваться как заведомо недостоверная информация, распространяемая под видом достоверных сообщений.

5. Согласно выводу эксперта Р. В. Ершовой по поставленному перед экспертами вопросу «В какой форме в исследуемом тексте подана информация о заболевании коронавирусом в г. Коломне — утверждение или предположение?», представленная в тексте информация подается как предположение; вместе с тем автором текста используются многочисленные приемы убеждения, призванные убедить читателя в достоверности, истинности предложенной версии.

Использование в тексте приемов убеждения, призванных убедить читателя в достоверности, истинности предложенной автором версии, на квалификацию этих сведений как выраженных в форме предположения не влияет. Информация в форме предположения не может быть проверена на соответствие действительности и, соответственно, не может рассматриваться как заведомо недостоверная информация, распространяемая под видом достоверных сообщений.

6. Согласно выводу эксперта Л. Н. Костяковой по поставленному перед экспертами вопросу «В какой форме в исследуемом тексте подана информация о заболевании коронавирусом в г. Коломне — утверждение или предположение?», информация о заболеваемости коронавирусом в Коломне представлена в форме утверждения.

Как показано в подразделе 3.1 настоящего заключения, на соответствие действительности могут быть проверены лишь некоторые утверждения. В зависимости от характера выражаемой информации утверждение может быть утверждением о фактах (например, *Иван имеет рост 1 м 80 см*), оценочным суждением — субъективным мнением (*Иван высок*), в том числе негативно окрашенным (*Иван — дылда*), обобщающим утверждением — выводом (*столбы обычно высоки*) и т. д.

Проверены на соответствие действительности могут быть лишь утверждения о фактах.

Таким образом, языковая форма утверждения не всегда свидетельствует о том, что представленная в тексте в такой форме информация не является выражением субъективного мнения. Высказывания в утвердительной форме, отличные от утверждений о фактах (выраженные в утвердительной, категоричной форме оценочные суждения, выводы, обобщающие суждения и т. п.) являются выражением субъективного мнения.

7. Согласно выводу эксперта Р. В. Ершовой по поставленному перед экспертами вопросу «Содержатся ли в тексте какие-либо призывы? Если да, то кому адресованы эти призывы и к чему они призывают?», в тексте отсутствуют какие-либо прямые призывы; вместе с тем часть анкетированных экспертом респондентов расценила текст как призывы различного содержания.

Как показано в подразделе 3.2 настоящего заключения, данные, полученные в результате исследования, проведенного методом анкетирования в том виде, в котором оно представлено в ответе эксперта Р. В. Ершовой на поставленный перед экспертами вопрос № 5 и в ее выводе № 5, не могут быть признаны валидными. Полученная информация отражает исключительно субъективное восприятие малочисленной группой людей субъективных же предположений автора текста. При отсутствии научного подтверждения с помощью апробированных верифицируемых методик наличия в спорном тексте призывов того или иного содержания факт подобного восприятия текста как информационного объекта, содержащего призывы, не может иметь научного значения и не может быть положен в основу научно обоснованных выводов, в том числе в судебно-экспертной деятельности как сфере прикладного применения психологических знаний.

Отсутствие в тексте выраженных в объективно установленной форме призывов действительно является установленным фактом. Информация о том, что 12 респондентов, выбиравших варианты ответа на некорректно составленный вопрос, навязывающий респондентам убеждение в наличии призывов, никоим образом не может быть соотнесена с этим фактом. Эта информация, полученная в результате проведенного с грубыми нарушениями анкетирования, не имеет научного доказательного значения.

8. Согласно выводу эксперта Р. В. Ершовой по поставленному перед экспертами вопросу «Используются ли в публикации манипулятивные приемы, направленные на со-

здание достоверности указанной информации?», в публикации используется ряд приемов убеждающей коммуникации.

Как показано в подразделе 3.2 настоящего заключения, выявленный экспертом Р. В. Ершовой несомненный речевой факт использования в спорном тексте приемов убеждающей коммуникации не оказывает и не может оказать влияние на квалификацию выраженной в тексте информации как достоверной либо недостоверной.

Формулируя ответы и выводы по поставленным перед экспертами вопросам № 1 и № 2, эксперт Р. В. Ершова вполне справедливо определяет исследуемый текст, как «субъективные предположения автора». Отвечая на вопрос № 2, эксперт также высказывает справедливое суждение о том, что текст содержит «личное мнение и убеждения автора». Таким образом, можно констатировать противоречие между выводами эксперта Р. В. Ершовой по вопросам № 1, № 2, с одной стороны, и ее выводом по вопросу № 6, с другой стороны. Действительно, текст с большей вероятностью воспринимается как позиция автора, а не как совокупность неких фактических данных. Создать впечатление о достоверности субъективного личного мнения и субъективного убеждения любого автора любого текста в принципе невозможно даже с помощью манипулятивных приёмов и других способов психологического воздействия: субъективные мнения и убеждения не подлежат оценке по параметру достоверности, поскольку не являются объективными фактическими сведениями, которые могли бы быть проверены на соответствие действительности, по определению.

9. Отвечая на поставленный перед экспертами вопрос «Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на формирование чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха?», эксперт Л. Н. Костякова приводит ряд цитат из исследуемого текста, сопровождая их описательной характеристикой, и приходит к выводу о том, что «приведенные выше факты не могут не вызвать чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха у читателя».

Отвечая на указанный вопрос, эксперт Л. Н. Костякова описывает цитируемые ею фрагменты исследуемого текста как «предложения со следующими языковыми единицами». Цитируемые экспертом фрагменты имеют следующий вид (в следующем списке воспроизводится предпринятое экспертом Л. Н. Костяковой выделение подчеркиванием отдельных слов и выражений в составе цитат из исследуемого текста):

- «Коломна ... повально болеет коронавирусом»;
- «детские больницы битком набиты пациентами с пневмонией»;
- «взрослые – через одного с температурой и кашлем»;
- «взрослые ... болеют много»;
- «... переболело ... очень много»;
- «болели долго и сильно»;
- «из-за высокой заболеваемости пневмонией пришлось практически пачками закрывать школы».

Характеризуя большинство («практически в каждом из них») выделенных экспертом подчеркиванием языковых единиц, эксперт справедливо описывает их как «наречия со значением высокой степени интенсивности действия и признака»

Дополнительно («также») эксперт сообщает, что автор спорного текста «указывает на недостаточность и недостоверность информации, которую предоставляют населению официальные органы», приводя следующие цитаты:

- «А сколько с горлом и температурой? Таких данных не приводится, но, по моим ощущениям, очень много...»;

- «... известно мало, поскольку «Роспотребнадзор» информацию скрывает и не выдает»;
- «Уверены? Мы прекрасно знаем, как у нас ведется статистика по смертям от наркотиков... Главное не нарушать официальную статистику».

В обоснование своих выводов эксперт ссылается также на обобщающее суждение о существующей в Коломне в период времени, к которому относится публикация спорного текста, практике диагностики коронавирусной инфекции в поликлиниках: «Какой-токой коронавирус? Его и сейчас никому не ставят в местных поликлиниках; ОРВИ или грипп. Ни анализов не берут, ни в карантин не отправляют. Это прямо сейчас, сегодня».

Иных (отличных от приведенных цитат) речевых фактов, наблюдаемых в исследуемом тексте, ответ эксперта Л. Н. Костяковой не содержит.

Вся присутствующая в спорном тексте информация фактического типа описана в п. 3 настоящего нумерованного списка. Эта информация содержится в высказываниях, отличных от цитируемых экспертом Л. Н. Костяковой в обоснование суждения о том, что приведенные экспертом факты не могут не вызвать чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха у читателя.

Приведенные экспертом речевые факты представляют собой:

- совокупность авторских **оценочных и аналитических суждений**, касающихся масштабов заболеваемости, которые носят определенно субъективный характер. Вполне очевидно, что у разных людей могут быть разные представления о том, какой процент населения Коломны должен болеть коронавирусом, чтобы для характеристики этой ситуации можно было корректно использовать наречие *повально*; у разных людей могут быть разные критерии определения, какой процент заполнения штатных койкомест в больнице должен быть заполнен пациентами и (или) сколько пациентов должно быть размещено в коридорах лечебного учреждения, чтобы для характеристики этой ситуации можно было корректно использовать выражение *битком набиты*; у разных людей могут быть разные критерии определения, какой процент населения Коломны должен болеть, чтобы его можно было обозначить наречием *много*, и т. п.;
- **субъективное авторское аналитическое суждение** (вывод), выражающее сомнение в достаточности и достоверности информации, которую предоставляет населению Роспотребнадзор как официальный орган;
- **субъективное авторское обобщающее суждение** о существующей в Коломне в период времени, к которому относится публикация спорного текста, практике диагностики коронавирусной инфекции в поликлиниках.

Таким образом, в цитируемых экспертом Л. Н. Костяковой высказываниях, на которых основан ее вывод о том, что «приведенные выше факты не могут не вызвать чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха у читателя», отсутствует информация фактического типа. Какие-либо факты в цитируемых экспертом Л. Н. Костяковой высказываниях, на которых основан указанный вывод, не приводятся и не описываются. В частности, все слова и выражения, выделенные экспертом в цитируемых ею высказываниях В. В. Егорова подчеркиванием, выражают субъективные авторские оценочные и аналитические суждения.

10. Согласно выводу эксперта Л. Н. Костяковой по поставленному перед экспертами вопросу «Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на изменение поведения читателей, а именно на нарушение общественного порядка и несоблюдение мер безопасности в общественно-значимой ситуации?», одно из содержащихся

в исследуемом экспертами тексте высказываний может быть расценено как имплицитный призыв к несоблюдению мер безопасности в общественно-значимой ситуации.

Высказывание, на которое ссылается эксперт Л. Н. Костякова, представлено в заключении экспертов ООО «Лагуна-100» в следующем виде: «если ... мы уже в большинстве переболели, то никаких глобальных вспышек эпидемии тут, возможно, и не будет».

Вывод эксперта о том, что это высказывание «может быть расценено как имплицитный призыв к несоблюдению мер безопасности в общественно-значимой ситуации», имеет предположительную форму, описывает возможное индивидуальное, субъективное восприятие одного из высказываний исследуемого текста неким читателем, об особенностях личности которого, приведших к такому восприятию текста, никаких данных не приводится, тем самым не является выводом об объективных свойствах текста — ни о его объективном содержании, ни о форме выражения этого содержания.

11. Согласно выводам эксперта Р. В. Ершовой по поставленным перед экспертами вопросам «Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на формирование чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха?» и «Используются ли в тексте приемы, направленные на нагнетание эмоционального напряжения читателя?», приемом убеждения, использованным в тексте и направленным на формирование чувства страха, беспокойства, тревоги, беспомощности, эмоционального напряжения является употребление в тексте конкретных и образных ключевых слов, что существенно влияет на эмоциональную сторону восприятия текста и повышает его внушающее воздействие».

Как показано в подразделе 3.2 настоящего заключения, вывод эксперта о наличии в тексте приемов, направленных на формирование чувства страха, беспокойства, тревоги, беспомощности, эмоционального напряжения, не основан на каких-либо фактах и на каких-либо данных, которые можно было бы охарактеризовать как полученные методами научного психологического исследования.

12. Согласно выводам эксперта Р. В. Ершовой по поставленным перед экспертами вопросам «Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на формирование чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха?» и «Используются ли в тексте приемы, направленные на нагнетание эмоционального напряжения читателя?», приемом убеждения, использованным в тексте и направленным на формирование чувства страха, беспокойства, тревоги, беспомощности, эмоционального напряжения является употребление в тексте конкретных и образных ключевых слов, что существенно влияет на эмоциональную сторону восприятия текста и повышает его внушающее воздействие».

Как показано в подразделе 3.2 настоящего заключения, вывод эксперта о наличии в тексте приемов, направленных на нагнетание эмоционального напряжения, не основан на каких-либо фактах и на каких-либо данных, которые можно было бы охарактеризовать как полученные методами научного психологического исследования. Эмоциональное напряжение читателей, по мнению эксперта, вызывается рядом высказываний, которые представляют собой:

- выражение субъективных предположений автора;
- выражение его субъективного мнения;
- выражение его оценочных суждений, в том числе и в саркастической форме.

13. Согласно выводам эксперта Р. В. Ершовой по поставленным перед экспертами вопросам «Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на формирование чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха?» и «Используются ли в тексте приемы, направленные на нагнетание эмоционального напряжения читателя?», в тексте использован прием свержобобщения; из психотерапевтической практики известно,

что сверхобобщение, как привычка мышления, лежит в основе формирования страхов, фобий, панических расстройств».

Как показано в подразделе 3.2 настоящего заключения, упоминание о неких обстоятельствах, которые стали известны эксперту из некой психотерапевтической практики, достаточным научным обоснованием сделанных экспертом выводов не является. Ссылка на некую психотерапевтическую практику не может быть отнесена к разряду общепризнанных научных данных.

14. Как показано в подразделе 3.2 настоящего заключения, возможность применения метода анкетирования в судебно-экспертной деятельности в целом сомнительна.

При применении Р. В. Ершовой метода анкетирования были допущены серьезные методологические нарушения, касающиеся выборки и структуры вопросов анкеты.

Выборка, на которой было проведено исследование методом анкетирования, описанное в заключении экспертов ООО «Лагуна-100» Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой б/н от 28.06.2019, не может быть признана репрезентативной. Данные, полученные в результате проведенного методом анкетирования опроса, не могут быть признаны валидными.

Экспертом были нарушены общепринятые требования к формулированию вопросов анкет: один из вопросов, предложенных участникам опроса (вопрос № 2) носит внушающий характер; вопрос № 1 навязывает респонденту негативное отношение к тексту; вопрос № 3 имеет неточный смысл, требует дополнительных пояснений

Таким образом, исследование, проведенное методом анкетирования в том виде, в котором оно представлено в заключении экспертов ООО «Лагуна-100» Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой б/н от 28.06.2019, не является валидным.

ВЫВОДЫ

1. Исходя из норм и правил современного русского языка как государственного языка Российской Федерации, словосочетание **«недостоверная информация»** выражает буквальный смысл **‘информация, вызывающая сомнения в том, что она соответствует действительности’**.

2. Исходя из норм и правил современного русского языка как государственного языка Российской Федерации, словосочетание **«распространение заведомо недостоверной информации под видом достоверных сообщений»**, использованное законодателем в диспозиции ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, выражает буквальный смысл **‘такое распространение информации, вызывающей у говорящего сомнения в том, что она соответствует действительности, при котором говорящий выдает ее за информацию, определенно соответствующую действительности’**.

3. Исходя из норм и правил современного русского языка как государственного языка Российской Федерации, в качестве заведомо недостоверной информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, в исследованном экспертами Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой тексте могут рассматриваться **лишь сведения, выраженные в форме утверждений о фактах**, а именно:

- информация, описывающая личный опыт автора, о содержании его беседы с педиатром («нам наш педиатр честно сказала: направление дам, но вас не положат, там некуда»);
- информация о содержании комментариев заведующего инфекционным детским отделением некоего коломенского лечебного учреждения и начальника

городского управления «Роспотребнадзора», данных журналистам портала kolomna-spravka.ru и опубликованных на указанном портале («говорили, что да, есть «внебольничная пневмония», но это сезонный вирус, хоть и гораздо мощнее, чем обычно, протекает, а дальше будет грипп, который может вызвать новую волну»);

- информация о сравнительном количестве случаев заболевания пневмонией в Коломне в аналогичные периоды 2019 и 2020 года («Всего в 2019-м переболело пневмонией 842 коломенца (в 1,7 раза больше, чем в прошлом году), из них детей – 542 (в 3,8 раза больше)»);
- информация о том, что указанные количественные данные были опубликованы на портале kolomna-spravka.ru;
- информация о фактах множественных закрытий в ноябре 2019 г. школ с объявлением карантина во Владимирской, Нижегородской, Оренбургской и Тюменской областях, Ульяновске, Красноярске, Челябинске, Ростове-на-Дону;
- информация о фактах множественных закрытий в декабре 2019 г. школ в Московской области, в том числе в городском округе Коломна;
- информация о том, что указанные сведения о закрытии школ были опубликованы на портале svpressa.ru.
- информация о дословном содержании выраженных в предположительной форме субъективных аналитических суждений не называемых в исследуемом тексте экспертов, опубликованных на портале svpressa.ru, а именно: «эксперты поясняют, что вирусная пневмония «может быть вызвана непосредственно коронавирусом. Также она может проявиться как осложнение после перенесенной вирусной инфекции... .. чаще все же пневмония является осложнением ОРВИ.»

В случае, если какие-либо из описанных утверждений о фактах не соответствуют действительности:

- если в действительности педиатр в личной беседе с автором в связи с болезнью его ребенка или детей не говорила, что она может выписать направление на госпитализацию, но ребенка или детей автора не госпитализируют в связи с отсутствием свободных койкомест в больнице;
- если в действительности на портале kolomna-spravka.ru не были опубликованы комментарии заведующего инфекционным детским отделением некоего коломенского лечебного учреждения и начальника городского управления «Роспотребнадзора», соответствующие следующему описанию: «говорили, что да, есть «внебольничная пневмония», но это сезонный вирус, хоть и гораздо мощнее, чем обычно, протекает, а дальше будет грипп, который может вызвать новую волну»;
- если в действительности на портале kolomna-spravka.ru не были опубликованы данные о сравнительном количестве случаев заболевания пневмонией в Коломне в аналогичные периоды 2019 и 2020 года следующего содержания: «Всего в 2019-м переболело пневмонией 842 коломенца (в 1,7 раза больше, чем в прошлом году), из них детей – 542 (в 3,8 раза больше)»;
- если в действительности на портале svpressa.ru не были опубликованы сведения о множественных закрытиях в ноябре 2019 г. школ с объявлением карантина во Владимирской, Нижегородской, Оренбургской и Тюменской областях, Ульяновске, Красноярске, Челябинске, Ростове-на-Дону;

- если в действительности на портале svpressa.ru не были опубликованы сведения о множественных закрытиях в декабре 2019 г. школ в Московской области, в том числе в городском округе Коломна;
- если в действительности на портале svpressa.ru не были опубликованы выраженные в предположительной форме субъективные аналитические суждения не называемых в исследуемом тексте экспертов, соответствующие следующему описанию: «эксперты поясняют, что вирусная пневмония «может быть вызвана непосредственно коронавирусом. Также она может проявиться как осложнение после перенесенной вирусной инфекции... .. чаще все же пневмония является осложнением ОРВИ.», —

указанные утверждения о фактах **могут рассматриваться как заведомо недостоверная информация, распространяемая под видом достоверных сообщений.**

Иная содержащаяся в спорном тексте информация имеет различные формы выражения авторского субъективного мнения, отражая не реальную действительность, но ее образ, сложившийся в сознании автора, и будучи представленной читателю именно в качестве такового, — в частности, в качестве авторских предположений, основанных на представленных выше фактах, описанных в публикациях иных Интернет-ресурсов.

Информация, выраженная в формах мнения, **не может быть проверена на соответствие действительности** и, соответственно, **не может рассматриваться как заведомо недостоверная информация, распространяемая под видом достоверных сообщений.**

4. Согласно выводу эксперта Л. Н. Костяковой по поставленному перед экспертами вопросу «Высказывает ли автор текста личное субъективное мнение и личное убеждение автора?», в исследуемом экспертами тексте автор в некоторых случаях опирается на конкретные данные, которые приводятся в средствах массовой информации, в других же случаях при приведении данных конкретных указаний на источники информации нет, поэтому невозможно указать, личное ли это мнение автора или оно заимствовано из определенного, но не указанного им источника.

Тот факт, что сообщаемые в тексте сведения заимствованы из каких-либо источников, на квалификацию этих сведений как выраженных в форме мнения **не влияет.** Информация в форме мнения вне зависимости от того, кто именно является носителем этого мнения, не может быть проверена на соответствие действительности и, соответственно, **не может рассматриваться как заведомо недостоверная информация, распространяемая под видом достоверных сообщений.**

5. Согласно выводу эксперта Р. В. Ершовой по поставленному перед экспертами вопросу «В какой форме в исследуемом тексте подана информация о заболевании коронавирусом в г. Коломне — утверждение или предположение?», представленная в тексте информация подается как предположение; вместе с тем автором текста используются многочисленные приемы убеждения, призванные убедить читателя в достоверности, истинности предложенной версии.

Использование в тексте приемов убеждения, призванных убедить читателя в достоверности, истинности предложенной автором версии, на квалификацию этих сведений как выраженных в форме предположения **не влияет.** Информация в форме предположения не может быть проверена на соответствие действительности и, соответственно, **не может рассматриваться как заведомо недостоверная информация, распространяемая под видом достоверных сообщений.**

6. Согласно выводу эксперта Л. Н. Костяковой по поставленному перед экспертами

вопросу «В какой форме в исследуемом тексте подана информация о заболевании коронавирусом в г. Коломне — утверждение или предположение?», информация о заболеваемости коронавирусом в Коломне представлена в форме утверждения.

Языковая форма утверждения не всегда свидетельствует о том, что представленная в тексте в такой форме информация не является выражением субъективного мнения. Высказывания в утвердительной форме, отличные от утверждений о фактах (выраженные в утвердительной, категоричной форме оценочные суждения, выводы, обобщающие суждения и т. п.) являются выражением субъективного мнения.

7. Согласно выводу эксперта Р. В. Ершовой по поставленному перед экспертами вопросу «Содержатся ли в тексте какие-либо призывы? Если да, то кому адресованы эти призывы и к чему они призывают?», в тексте отсутствуют какие-либо прямые призывы; вместе с тем часть анкетированных экспертом респондентов расценила текст как призывы различного содержания.

Отсутствие в тексте выраженных в объективно установленной форме призывов действительно является установленным фактом. Информация о том, что 12 респондентов, выбиравших варианты ответа на некорректно составленный вопрос, навязывающий респондентам убеждение в наличии призывов, **никоим образом не может быть соотнесена с этим фактом.** Эта информация, полученная в результате проведенного с грубыми нарушениями анкетирования, **не имеет научного доказательного значения.**

8. Согласно выводу эксперта Р. В. Ершовой по поставленному перед экспертами вопросу «Используются ли в публикации манипулятивные приемы, направленные на создание достоверности указанной информации?», в публикации используется ряд приемов убеждающей коммуникации.

Выявленный экспертом Р. В. Ершовой несомненный речевой **факт использования в спорном тексте приемов убеждающей коммуникации не оказывает и не может оказать влияние на квалификацию выраженной в тексте информации как достоверной либо недостоверной.**

Формулируя ответы и выводы по поставленным перед экспертами вопросам № 1 и № 2, эксперт Р. В. Ершова вполне справедливо определяет исследуемый текст, как «субъективные предположения автора». Отвечая на вопрос № 2, эксперт также высказывает справедливое суждение о том, что текст содержит «личное мнение и убеждения автора». Таким образом, можно констатировать противоречие между выводами эксперта Р. В. Ершовой по вопросам № 1, № 2, с одной стороны, и ее выводом по вопросу № 6, с другой стороны. Действительно, текст с большей вероятностью воспринимается как позиция автора, а не как совокупность неких фактических данных. Создать впечатление о достоверности субъективного личного мнения и субъективного убеждения любого автора любого текста в принципе невозможно даже с помощью манипулятивных приёмов и других способов психологического воздействия: субъективные мнения и убеждения не подлежат оценке по параметру достоверности, поскольку не являются объективными фактическими сведениями, которые могли бы быть проверены на соответствие действительности, по определению.

9. Отвечая на поставленный перед экспертами вопрос «Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на формирование чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха?», эксперт Л. Н. Костякова приводит ряд цитат из исследуемого текста, сопровождая их описательной характеристикой, и приходит к выводу о том, что «приведенные выше факты не могут не вызвать чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха у читателя».

В цитируемых экспертом Л. Н. Костяковой высказываниях, на которых основан ее вывод о том, что «приведенные выше факты не могут не вызвать чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха у читателя», отсутствует информация фактического типа. **Какие-либо факты в цитируемых экспертом Л. Н. Костяковой высказываниях, на которых основан указанный вывод, не приводятся и не описываются.** В частности, все слова и выражения, выделенные экспертом в цитируемых ею высказываниях В. В. Егорова подчеркиванием, выражают субъективные авторские оценочные и аналитические суждения.

10. Согласно выводу эксперта Л. Н. Костяковой по поставленному перед экспертами вопросу «Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на изменение поведения читателей, а именно на нарушение общественного порядка и несоблюдение мер безопасности в общественно-значимой ситуации?», одно из содержащихся в исследуемом экспертами тексте высказываний может быть расценено как имплицитный призыв к несоблюдению мер безопасности в общественно-значимой ситуации.

Данный вывод эксперта представляет собой вывод о возможном индивидуальном, субъективном восприятии одного из высказываний исследуемого текста неким читателем, об особенностях личности которого, приведших к такому восприятию текста, никаких данных не приводится, тем самым **не является выводом об объективных свойствах текста — ни о его объективном содержании, ни о форме выражения этого содержания.**

11. Согласно выводам эксперта Р. В. Ершовой по поставленным перед экспертами вопросам «Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на формирование чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха?» и «Используются ли в тексте приемы, направленные на нагнетание эмоционального напряжения читателя?», приемом убеждения, использованным в тексте и направленным на формирование чувства страха, беспокойства, тревоги, беспомощности, эмоционального напряжения является употребление в тексте конкретных и образных ключевых слов, что существенно влияет на эмоциональную сторону восприятия текста и повышает его внушающее воздействие».

Вывод эксперта о наличии в тексте приемов, направленных на формирование чувства страха, беспокойства, тревоги, беспомощности, эмоционального напряжения, **не основан на каких-либо фактах и на каких-либо данных, которые можно было бы охарактеризовать как полученные методами научного психологического исследования.**

12. Согласно выводам эксперта Р. В. Ершовой по поставленным перед экспертами вопросам «Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на формирование чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха?» и «Используются ли в тексте приемы, направленные на нагнетание эмоционального напряжения читателя?», приемом убеждения, использованным в тексте и направленным на формирование чувства страха, беспокойства, тревоги, беспомощности, эмоционального напряжения является употребление в тексте конкретных и образных ключевых слов, что существенно влияет на эмоциональную сторону восприятия текста и повышает его внушающее воздействие».

Вывод эксперта о наличии в тексте приемов, направленных на нагнетание эмоционального напряжения, **не основан на каких-либо фактах и на каких-либо данных, которые можно было бы охарактеризовать как полученные методами научного психологического исследования.** Эмоциональное напряжение читателей, по мнению эксперта, вызывается рядом высказываний, которые представляют собой:

- выражение **субъективных предположений** автора;
- выражение его **субъективного мнения**;
- выражение его **оценочных суждений**, в том числе и в саркастической форме.

13. Согласно выводам эксперта Р. В. Ершовой по поставленным перед экспертами вопросам «Используются ли в тексте языковые средства и приемы, направленные на формирование чувства беспокойства, тревоги, беспомощности и страха?» и «Используются ли в публикации приемы, направленные на нагнетание эмоционального напряжения читателя?», в тексте использован прием сверхобобщения; из психотерапевтической практики известно, что сверхобобщение, как привычка мышления, лежит в основе формирования страхов, фобий, панических расстройств».

Упоминание о неких обстоятельствах, которые стали известны эксперту из некой психотерапевтической практики, **достаточным научным обоснованием сделанных экспертом выводов не является**. Ссылка на некую психотерапевтическую практику **не может быть отнесена к разряду общепризнанных научных данных**.

14. Исследование, проведенное методом анкетирования в том виде, в котором оно представлено в заключении экспертов ООО «Лагуна-100» Р. В. Ершовой и Л. Н. Костяковой б/н от 28.06.2019, **не является валидным**.

Приложение: копии документов, подтверждающих квалификацию специалистов, на 9 л.

Специалисты

И. В. Жарков

В. В. Константинова